

П. ОФ. П. И. КОВАЛЕВСКИЙ.

СУДЕБНАЯ ОБЩАЯ ПСИХОПАТОЛОГИЯ,

лекции, читанныя на юридическомъ факультетѣ Импера-
торскаго Варшавскаго Университета.

~~1884~~

~~1884~~

*Издание журнала „Архивъ психіатріи, неврологіи
и судебной психопатологіи“.*

ВАРШАВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

Краковское Предмѣстье, № 3.

1896.

IV

АРХИВЪ ПСИХІАТРИИ, НЕЙРОЛОГИИ

И

СКАСНОЙ ПСИХОНАТОЛОГИИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. И. Ковалевскаго, и М. Н. Попова,

проф. Варшавскаго Университета, проф. Томскаго Университета.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

Проф. Я. А. Ансимовъ, П. М. Автократовъ, Э. И. Андрузскій, Н. Н. Баженовъ, проф. В. М. Бехтеревъ, В. А. Брандцевъ, С. К. Бѣляковъ, Я. А. Боткинъ, В. Н. Васяткинъ, Д. Р. Глязбургъ, Шикъ, проф. З. В. Гутниковъ, А. А. Говсѣевъ, А. М. Головина, А. Р. Грузау, В. К. Дидрихсонъ, Н. Добротворскій, А. П. Драгомановъ, Л. Ф. Дыдынскій, И. Д. Ждановъ, И. Н. Егизарьянцъ, В. Н. Ергольскій, К. Н. Ковалевская, проф. С. С. Корсаковъ, Н. П. Каменевъ, П. Н. Лащенко, И. П. Лебедевъ, Н. Ч. Львовъ, Маллиницъ, Мальшинъ, проф. Н. А. Миславскій, Е. Мянскій, проф. Н. И. Мухинъ, Д. Г. Орбели, И. Я. Платоновъ, П. П. Платовъ, Н. М. Плосинскій, проф. Н. М. Поповъ, А. О. Поповъ, Д. И. Поляковъ, Г. И. Россолимо, А. И. Роте, Ф. Е. Рыбаковъ, В. Сербскій, М. В. Слупскій, С. Н. Совѣтовъ, проф. Д. Н. Стефановскій, К. П. Сулима, С. А. Сухановъ, А. В. Тимоеевъ, В. А. Тихомировъ, А. А. Токарскій, П. А. Троицкій, Я. Я. Трутовскій, Д. Б. Франкъ, проф. В. Ф. Чижъ, С. И. Штейнбергъ, А. И. Ющенко, А. А. Яковлевъ и друг.

Подписная цѣна 3 руб., изземпляры 1887, 88, 89, и 92 гг. — 10 руб.;
1890 и 91 — 4 руб., 1893, 1894 и 1895 — 5 руб.

Адресъ редакціи:

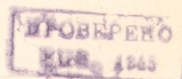
Варшава, Университетъ, кварти-
ра Ректора Университета

L'adressé de la rédaction:

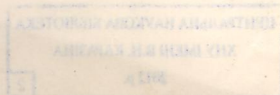
Russie, Varsovie, Université,
Mr le recteur de l'Université,
prof. P. Kovalevsky.

СУДЕБНАЯ

ОБЩАЯ ПСИХОПАТОЛОГИЯ



Судебная общая психопатология.



Доволено Цензурою. Варшава, 27 сентября 1896 г.

8201 11

5122

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА БІБЛІОТЕКА

ХНУ ІМЕНІ В.Н. КАРАЗІНА

2012 р.

2

Проф. П. И. Ковалевский.

СУДЕБНАЯ ОБЩАЯ ПСИХОПАТОЛОГИЯ

~~18-1953~~

Издание журнала „Архивъ психіатріи, неврологіи
и судебной психопатологіи“.

Центральна Библиотека
Всѣхъ наукъ
Изд. №



ВАРШАВА.

Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа.
БРАКОВСКОЕ-ПРЕДМѢСТЬЕ, № 3.

Просьба исправить замѣченные опечатки.

Напечатано:

Нужно читать:

2 стр. 21 стрк. сверху	предметн	предметъ
4 " 17 " " "	основу	составляя основу
11 " 2 " " "	моріообразнымъ состояніемъ	моріообразное состояніе
12 " 2 снизу	проявленіи	проявленію
13 " 7 сверху	и	о
14 " 4 " "	часто	часто имъ
" " 11 снизу	Наконецъ	Наконецъ, наступаетъ
33 " 19 " "	Онъ сидѣлъ на ней	Онъ сидѣлъ на ней
37 " 23 " "	продолжать	преодолѣть
" " 22 " "	способность	неспособность
41 " 17 сверху	отвѣтственности и знанія	отвѣтственности, и знанія
55 " 1 снизу	стоятъ	состоятъ.

Судебная общая психопатологія.

Разстройства органовъ чувствъ.—Душевные болѣзни выражаются разстройствомъ въ области органовъ чувствъ, мышленія, поступковъ или произвольныхъ движеній, а нерѣдко и въ органахъ растительной жизни,—поэтому мы считаемъ необходимымъ коротко намѣтить эти разстройства, дабы быть понятыми при изложеніи отдѣльных душевныхъ болѣзней.

Разстройства органовъ чувствъ при душевныхъ и нервныхъ болѣзняхъ—явленіе очень частое. При этомъ уклоненія наблюдаются или въ напряженности образующихся ощущеній, или въ ихъ качествахъ. Въ первомъ случаѣ ощущенія будутъ или слабѣе, чѣмъ это должно было бы быть при данной степени воздѣйствія раздражителя, или сильнѣе должнаго, что составляетъ количественныя уклоненія въ чувствительной области; во второмъ случаѣ, получаютъ измѣненія качества образующихся ощущеній почему и самыя уклоненія будутъ качественныя.

Количественныя измѣненія въ области органовъ чувствъ могутъ быть двоякаго рода: 1) когда, при средней силѣ воздѣйствія раздражителя, ощущеніе получается сильнѣйшее, чѣмъ въ обычномъ состояніи, и 2) когда данное ощущеніе будетъ слабѣе обычнаго. Уклоненія перваго рода носятъ названіе гиперестезіи, а—второго рода—анестезіи.

Какъ гиперестезіи, такъ и анестезіи могутъ проявляться во всѣхъ органахъ чувствъ, при чемъ онѣ могутъ быть постоянными и временными. Онѣ могутъ занимать весь органъ чувства, или отдѣльныя его части.

Такъ, въ однихъ случаяхъ можетъ наблюдаться полная слѣпота, въ другихъ случаяхъ—неспособность наблюдать только отдѣльные цвѣта, какъ при дальтонизмѣ. То же можно сказать и по отношенію къ другимъ органамъ чувствъ: могутъ быть люди вполне глухые, или только потерявшие способность воспріятія извѣстныхъ тоновъ; можетъ быть полная потеря обонянія, вкуса и осязанія,—или же только нѣкоторыхъ вкусовыхъ и слуховыхъ оттенковъ запаха и кожныхъ ощущений, напр. боли при способности ощущать тепло и холодъ. Далѣе эти расстройства могутъ быть общія и частичныя;—особенно эти уклоненія интересны по отношенію къ органу осязанія. Такъ, осязательныя ощущенія могутъ быть измѣнены на всей кожной поверхности, или только на одной половинѣ тѣла (гемигиперестезія и гемиганестезія), или только отдѣльными, болѣе или менѣе рѣзко очерченными участками (истерогенныя и эпилептогенныя зоны).

Чрезвычайно интересный въ качественномъ отношеніи недавно описанъ случай Venturi¹⁾. Дѣло идетъ объ одномъ истеро-эпилептикѣ, который по временамъ видѣлъ одинъ предметъ умноженнымъ въ 40—50 разъ. Такъ, вмѣсто одного кольца онъ видѣлъ 40—50 такихъ же точно колецъ; при чемъ качество предмета не измѣнялось, а только лишь увеличивалось число ихъ настолько, сколько могло вмѣститься въ себѣ поле зрѣнія.

Качественныя измѣненія въ области органовъ чувствъ, также двоякаго рода: иллюзіи и галлюцинаціи. Подъ именемъ иллюзіи разумѣются такія ощущенія, кои воспринимаются, подъ вліяніемъ раздражителя, правильно, но передаются нашему сознанию въ извращенномъ видѣ. Иллюзіи нерѣдко присущи и здоровому человѣку при ненормальныхъ условіяхъ его существованія. Такъ, въ сумерки, на извѣстномъ разстояніи, мы принимаемъ незнакомаго намъ человѣка за знакомаго; знакомыя звуки на большомъ разстояніи мы не признаемъ; въ слабомъ растворѣ мы не узнаемъ знакомыхъ вкусовыхъ веществъ и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ данныя воспріятія дѣйствительно существуютъ, но въ нашемъ сознаніи они превращаются въ ощущенія извращенныя, причѣмъ причиною данного извращенія служатъ условія стоящія внѣ нашего организма. Иллюзіи у душевныхъ

и нервныхъ больныхъ составляются изъ нормальныхъ воспріятій, при чемъ однако нормальныя воспріятія, подъ вліяніемъ измѣненій въ области нашихъ нервовъ или центральной нервной системы, превращаются въ сознанія въ не правильныя и ошибочныя. Меланхоликъ пьетъ воду и ощущаетъ вкусъ крови; маниакъ смотритъ на простыя обои и видитъ на нихъ украшенія изъ драгоценныхъ камней; простое движеніе воздуха принимается за обсыпаніе огненными парами и проч.

Подъ именемъ галлюцинацій разумѣются такія ощущенія, кои въ данный моментъ въ основѣ своей не имѣютъ никакого внѣшняго раздраженія, и образуются въ нервныхъ центрахъ первично, почему онѣ и называются явлениями субъективными. Такъ, при полной тишинѣ слышится плачь,—въ темнотѣ или при свѣтѣ видятся отсутствующіе образы; воспринимаются осязательныя ощущенія прикосновенія, укола и проч. при полномъ отсутствіи внѣшняго воздѣйствія. Галлюцинаціи могутъ быть какъ у душевно-больныхъ, такъ и у душевноздоровыхъ людей. Такъ, извѣстны галлюцинаціи Магомета, Орлеанской дѣвы, Лойолы, Гете, Вальтеръ-Скота, Байрона, Спинозы и проч. Отличіе галлюцинацій душевно-здоровыхъ людей отъ галлюцинацій душевно-больныхъ состоитъ въ томъ, что люди душевно здоровые сознаютъ ихъ болѣзненность проявленія и придаютъ имъ надлежащее значеніе; тогда какъ люди душевно больные признаютъ ихъ за дѣйствительныя ощущенія и нерѣдко основываютъ на нихъ дѣйствія и поступки свои.

Галлюцинаціи душевно-больныхъ людей проявляются то въ одномъ органѣ чувства, то въ нѣсколькихъ, то во всѣхъ одновременно. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ галлюцинаціи проявляются въ одномъ только изъ парныхъ органовъ чувствъ, такъ напр. въ одномъ ухѣ. Но бываетъ и такъ, что галлюцинація является только при парномъ дѣйствіи органа чувства и исчезаетъ при дѣятельности одного органа. Pieraccini¹⁾ передаетъ слѣдующій случай. Дегенератъ, 26 л., съ бредомъ преслѣдованія, видѣлъ видѣніе. Ему представлялся его братъ. Это видѣніе являлось въ то время, когда больной смотрѣлъ обоими глазами; но когда ему закрывали одинъ глазъ, то видѣніе исчезало.

¹⁾ Venturi, Una visione multipla, Rivista sperimentale di freniatria, v. XVII, F. 4.

¹⁾ Pieraccini, Un fenomeno non ancora descritto nelle allucinazioni visive, Rivista sperimentale di freniatria, v. XVIII, F. 2.

Всѣ эти, какъ количественныя, такъ и качественныя, уклоненія въ чувствительной области не остаются безъ вліянія на проявленія душевной дѣятельности человека и потому, весьма естественно, играютъ большую или меньшую роль въ судебно-медицинскомъ отношеніи.

Гиперестезіи органовъ чувствъ служатъ къ увеличенію противъ нормы количества представлений, ускоренію хода представлений, нѣкоторой беспорядочности въ сочетаніи ихъ, усиленію рефлекторной дѣятельности, иногда къ образованію ложныхъ представлений и усиленію раздражительности больного.

Но еще большее значеніе имѣютъ анестезіи органовъ чувствъ, особенно полныя. Полное отсутствіе зрѣнія влечетъ за собою пожизненный пробѣлъ и недостатокъ зрительныхъ ощущеній и представлений; полная прирожденная глухота является причиною отсутствія слуховыхъ ощущеній и представлений основу послѣдующей нѣмоты и неспособности общенія. Меньшее значеніе имѣютъ недостатки въ области обонянія, осязанія и вкуса. Иногда и частичныя анестезіи не остаются безъ вліянія на строй душевной жизни душевно больного человека. Такъ, анестезіи рукъ и ногъ могутъ служить исходной точкой образованія ложнаго представленія о превращеніи ихъ въ стекло, дерево, воскъ, мѣдь, золото и проч.

Иллюзіи очень часто служатъ основою образованія ошибочныхъ представлений, а галлюцинаціи служатъ къ образованію ложныхъ представлений, фантастическихъ картинъ и цѣлой системы бреда.

Нѣкоторыя изъ уклоненій въ области органовъ чувствъ имѣютъ серьезное судебно-медицинское значеніе и сами по себѣ. Въ этомъ отношеніи на первомъ планѣ стоитъ цвѣтная слѣпота или дальтонизмъ. Существуютъ люди, которые отъ рожденія лишены способности различать красный цвѣтъ, или зеленый. Эти виды цвѣтной слѣпоты встрѣчаются наичаще. Такой видъ цвѣтной слѣпоты имѣетъ весьма серьезное значеніе для служащихъ на желѣзной дорогѣ: машинистовъ, стрѣлочниковъ и проч. Въ силу ихъ органическаго недостатка могутъ произойти смѣшенія сигналовъ и величайшія несчастія съ десятками людей. Естественно, что эта ихъ вина не можетъ быть вмѣнена имъ въ преступленіе и такія лица, по данному пункту являются не вмѣняемыми. Но вмѣстѣ съ симъ такія лица должны быть и не

правоспособными, т. е. они не имѣютъ права поступать на службу, гдѣ имѣется дѣло съ цвѣтными сигналами и знаками. Должно требовать, чтобы, при поступленіи на желѣзнодорожную службу, машинисты, ихъ помощники и стрѣлочники подвергались испытанію относительно остроты и качества ихъ зрѣнія и слуха.

Еще большій судебно-медицинскій интересъ представляетъ *глухонѣмота*. При этомъ поражается какъ органъ слуха, такъ и органъ рѣчи. При помощи органа слуха нами воспринимаются звуковыя впечатлѣнія и образуются слуховыя ощущенія; при помощи того же органа у насъ образуется рѣчь. Недостатокъ органа слуха, влечетъ за собою отсутствіе слуховыхъ знаній и органа рѣчи. Имѣя въ виду, что органъ рѣчи является главнымъ дѣятелемъ, служащимъ къ общенію другъ съ другомъ, естественно, при глухонѣмотѣ, человекъ лишается не только всякихъ знаній, но и способа общенія.

Правда, способы общенія могутъ быть и другіе: письмо, мимика и проч. — но письму выучиваются очень немногіе изъ глухонѣмыхъ, — а объясненіе жестами — дѣло условное и можетъ быть понимаемо очень немногими лицами.

Въ очень значительномъ большинствѣ глухонѣмые оказываются идиотами, или тупоумными. Такое совпаденіе объясняется тѣмъ что въ однихъ случаяхъ, какъ глухонѣмота, такъ и идиотія, имѣютъ одинъ общій источникъ — недоразвитіе какъ центровъ органовъ слуха и рѣчи, такъ и центровъ душевной жизни вообще, — въ другихъ случаяхъ глухонѣмота обуславливается гнѣздными процессами, за которыми впослѣдствіи происходитъ приостановка развитія центральной нервной системы, съ послѣдующимъ наступленіемъ тупоумія, — въ третьихъ случаяхъ болѣзненный гнѣздный процессъ ограничивается слуховыми и рѣчевыми центрами и тупоуміе обуславливается не неспособностью мозговыхъ центровъ къ развитію и совершенствованію, а недостаткомъ ихъ образованія, — и только въ очень немногихъ случаяхъ глухонѣмые получаютъ образованіе и становятся болѣе или менѣе годными къ общественной дѣятельности. Во всѣхъ случаяхъ глухонѣмые отличаются чрезмѣрной раздражительностью, вспыльчивостью и склонностью къ аффектамъ.

Объ уголовной отвѣтственности, а равно и гражданской правоспособности глухонѣмыхъ возможна рѣчь только въ послѣднихъ случаяхъ, т. е. когда таковое лицо

получаетъ образованіе и склонно къ умственному развитію и совершенствованію; но и въ этихъ случаяхъ уголовная отвѣтственность глухонѣмыхъ имѣетъ право на снисхожденіе въ три степени: въ силу врожденной усиленной раздражительности, патологической органической недостаточности и неполноты и пробѣла въ области воспріятій. Всѣ остальные глухонѣмые должны быть подвдимы къ состоянію идиотіи и соотвѣтственно тому судимы.

Глухонѣмота можетъ быть симулируема. Разпознаваніе симуляціи глухонѣмоты должно производиться тѣми же способами и приѣмами, какъ и другихъ душевныхъ уклоненій. При этомъ должно обращать вниманіе на то, что истинные глухонѣмые, не воспринимая впечатлѣній органомъ слуха, способны чутко относиться ко всѣмъ другимъ воздѣйствіямъ. Такъ, при ударѣ по полу сзади, глухонѣмые не слышатъ стука и шума, но легко реагируютъ на сотрясеніе; тогда какъ симулянтъ постарается обойти незамѣченнымъ и сотрясеніе. Тоже должно сказать и о сочетаніи другихъ воздѣйствій.

Судебно-медицинское значеніе иллюзій и галлюцинацій. — Подъ вліяніемъ иллюзій и галлюцинацій могутъ быть совершаемы проступки, правонарушенія и преступленія какъ душевно здоровыми людьми, такъ и душевно больными. Естественно, что преступленія душевно здоровыхъ людей, подѣ вліяніемъ иллюзій и галлюцинацій, должны быть вмѣняемы, хотя съ заслуживающими снисхожденія обстоятельствами,—преступленія же душевно больныхъ подѣ вліяніемъ иллюзій и галлюцинацій должны быть разсматриваемы въ связи съ формою болѣзни и состояніемъ больного.

Принимая во вниманіе то, что галлюцинаціи легко симулировать, обращено было вниманіе на объективные признаки, сопровождающіе галлюцинаціи. Оказалось, что такіе признаки существуютъ, хотя и не во всѣхъ случаяхъ и не въ полнѣ прочнаго достоинства. Замѣчено, что зрительныя галлюцинаціи часто сопровождаются безсознательнымъ и непроизвольнымъ особымъ положеніемъ и поворотомъ головы, а также и всего туловища,—выглядываніемъ за дверь въ сосѣдную комнату, осмотромъ закоулковъ и угловъ комнаты,—суженіемъ и расширеніемъ зрачковъ, соотвѣтственно разстоянію отъ галлюцинаторнаго образа,—и иногда появленіемъ складокъ и бороздъ около глазъ, на вѣкахъ, бровяхъ и на лбу; въ нѣкото-

рыхъ случаяхъ появляется даже раздраженіе слизистой оболочки глазъ и налігіе ея сосудовъ безъ всякаго къ тому повода. При слуховыхъ галлюцинаціяхъ наблюдается напряженіе *m. m. masseteris, sternocleido-mastoidei* и самой ушной раковины, — затыканіе ушей, закрытіе головы, внезапное вздрагиваніе или смѣхъ молчаливый, отказъ отъ пищи и т. п., при этомъ иногда наблюдаются сочувственные движенія губъ и языка. Иногда галлюцинанты производятъ движенія, обозначающія удаленіе назойливаго тѣла. При вкусовыхъ и обонятельныхъ галлюцинаціяхъ наблюдаются движенія языка, губъ и крыльевъ носа, иногда даже усиленное отдѣленіе слюны. При галлюцинаціяхъ органовъ зрѣнія и слуха иногда появляются вазомоторныя разстройства въ видѣ покрасненія и поблѣдненія лица,—тѣже явленія иногда наблюдаются и при галлюцинаціяхъ общаго чувства. При продолжительныхъ слуховыхъ галлюцинаціяхъ Féré¹⁾ находилъ въ числѣ другихъ признаковъ на кожѣ въ области уха складки, которыя помѣщаются впереди *tragus*, надъ мускуломъ *atrahens auriculi*, и имѣютъ направленіе перпендикулярное къ волокнамъ этой мышцы и вогнутостью обращенныя сзади. Эти складки Féré называетъ активными въ противоположность пассивнымъ, образующимся вслѣдствіе тяжести мягкихъ частей и кожи, которыя имѣютъ косое направленіе сзади напередъ, сверху внизъ и въ своемъ продолженіи слѣдуютъ направленію нижней челюсти. Точно также у галлюцинантовъ иногда наблюдаются съ достаточной отчетливостью сокращенія мышцъ жевательной и грудино-ключичной и сокращенія послѣдней въ случаяхъ одностороннихъ галлюцинацій влечетъ иногда за собою стойкое и опредѣленное отклоненіе головы, а именно поворотъ ея въ ту или другую сторону. Эти складки Féré считаетъ слѣдствіемъ повгортныхъ рефлекторныхъ вліяній слуховыхъ галлюцинацій. Д-ръ Постовскій²⁾ провѣрялъ эти положенія Féré и нашелъ складки изъ 50 галлюцинантовъ у 8 человѣкъ, причемъ эти больные были въ возрастѣ отъ 40 до 60 лѣтъ, галлюцинаціи же у нихъ продолжались отъ 6 до 12 лѣтъ. Исследуя другихъ больныхъ въ возрастѣ за 40 лѣтъ,

¹⁾ Féré, Les signes physiques des hallucinations, *Revue de medicine*, 1890.

²⁾ Д-ръ Постовскій, Объ одномъ изъ физическихъ признаковъ слуховыхъ галлюцинацій, *Медицинское Обозрѣніе*, 1891.

вомъ крови къ головѣ, чувствомъ тяжести и спутанностію въ мозгу, ужаснымъ сознаниемъ безпомощности и сильнымъ дрожаніемъ всего тѣла, покрытаго обильнымъ потомъ. Пароксизмъ кончался потокомъ слезъ и за тѣмъ слѣдовала страшная слабость. Иногда приступъ дѣлался съ нимъ ночью; онъ вскакивалъ съ постели въ невыразимомъ ужасѣ, дрожа такъ сильно, что все колебалось въ комнатѣ, и обливаясь потомъ.

Въ качественномъ отношеніи уклоненія представленій могутъ выражаться въ видѣ неясности и неотчетливости ихъ, или же въ видѣ слишкомъ рѣзкой отчетливости и обостренности. Последнимъ качествомъ особенно рѣзко отличаются насильственные представленія. Сюда же будутъ относиться представленія, основанныя на иллюзіяхъ, или ошибочныя представленія, и представленія основанныя на галлюцинаціяхъ, или ложныя представленія. Последнія могутъ возникать иногда и безъ галлюцинацій въ видѣ первичнаго бреда или первичныхъ безумныхъ идей. Иногда такія безумныя идеи являются одиноко (З. В. Гутниковъ), въ большинствѣ же случаевъ въ формѣ бреда. Иногда среди бреда выдѣляется одна какая нибудь бредовая идея, составляющая центръ бреда и главный пунктъ, на которомъ больной сосредоточиваетъ почти все свое вниманіе и вокругъ котораго группируются остальные идеи бреда. Такія бредовыя или ложныя идеи называются фиксированными идеями. Онѣ имѣютъ много общаго съ насильственными представленіями и отличаются отъ послѣднихъ тѣмъ, что самъ больной сознаетъ болѣзненность насильственныхъ представленій, тогда какъ фиксированныя ложныя идеи признаются больнымъ за правильныя и нормальныя.

Заключенія душевно-больныхъ нерѣдко бываютъ ошибочныя, неправильныя и ложныя,—а иногда у больного нельзя наблюдать никакихъ заключеній, какъ при аменціи и иногда при маніи.

Сознаніе. Сознаніе тоже можетъ подвергаться различнымъ болѣзненнымъ измѣненіямъ. Эти болѣзненныя уклоненія могутъ быть количественныя и качественныя. Въ количественномъ отношеніи можетъ быть полное отсутствіе сознанія себя и окружающей обстановки, или же весьма ничтожное и примитивное развитіе его. Такъ это бываетъ у идіотовъ. Можетъ быть ограниченное развитіе сознанія и положеніе его во всякомъ случаѣ ниже нормы,—такъ это у тупоумныхъ. Наконецъ, сознаніе можетъ быть болѣзненно извращеннымъ и неполнымъ не по недоразвитію его, а по патологическому измѣненію. Къ патологическимъ разновидностямъ сознанія относятся состоянія при головокруженіи, сумеречномъ состояніи, моріобразнымъ состояніемъ, состояніемъ помѣшательства, *sopor* и *coma*.

Весьма интересны частичныя потери личности; такъ, у нѣкоторыхъ лицъ выпадаетъ ясное сознаніе времени, у другихъ—мѣста; у нѣкоторыхъ лицъ случаются такія расстройствя, когда человѣкъ отлично признаетъ всѣ обстоятельства прежнія, но до извѣстнаго момента,—а съ этого момента всѣ обстоятельства жизни онъ приписываетъ другому лицу. Другой разъ происходитъ раздвоеніе личности, при чемъ это раздѣленіе или касалось отдельныхъ жизненныхъ моментовъ, или даннаго момента, при чемъ одну половину тѣла человѣкъ признаетъ за себя, а другую—за другое лицо. Я наблюдалъ больную съ гемиплегіей и геміанестезіей тѣла, при чемъ она здоровую половину тѣла принимала за себя, а больную—за другую женщину; по мѣрѣ уничтоженія гемиплегіи уничтожался и бредъ раздѣленія.

Къ качественнымъ уклоненіямъ въ области сознанія проф. Анфимовъ ¹⁾ относитъ слѣдующія три разновидности: извращеніе чувственной окраски душевнаго міра или извращеніе чувственного тона, какъ это бываетъ при меланхоліи и маніи,—извращеніе воспріятія внѣшнихъ и внутреннихъ ощущеній, слѣдовательно нарушеніе ассоціативной работы, куда относятся состоянія первичнаго сумашествія и остраго галлюцинаторнаго помѣшательства,—и полное извращеніе личности, доходящее до помѣны нормальнаго „я“ совершенно новымъ. Въ судебномъ медицинскомъ отношеніи особенно важно раздвоеніе сознанія и раздвоеніе личности въ различное время жизни. Такъ, бываютъ случаи, когда люди въ одинъ періодъ времени сознаютъ себя въ одномъ видѣ, совершаютъ нѣмѣстныя дѣянія, становятся въ извѣстныя отношенія къ данной обстановкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ они ничего не помнятъ изъ обстоятельствъ прежней жизни. Затѣмъ они переходятъ во вторую—нормальную жизнь и ничего не помнятъ о своихъ приступахъ. Въ сознаніи приступовъ болѣзни они нерѣдко совершенно отчетливо вспоминаютъ всѣ обстоятельства прежняго приступа, и если при этомъ совершено было преступленіе то они подробно могутъ передать о немъ,—за тѣмъ съ прекращеніемъ

¹⁾ Проф. Я. А. Анфимовъ, Сознаніе и личность при душевныхъ болѣзняхъ, 1893.

приступа прекращается и предѣлъ даннаго сознанія, — большой переходить въ другое сознаніе, неимѣющее ничего общаго съ моментомъ болѣзненнаго сознанія. Такое раздвоеніе сознанія наблюдается нерѣдко при эпилепсіи, истеріи и проч. Подобное состояніе мы наблюдаемъ въ нашемъ случаѣ, помѣщенномъ въ отдѣлѣ эпилепсіи, въ которомъ преступникъ, при освидѣтельствованіи его въ распорядительномъ засѣданіи Окружнаго Суда, въ наступившемъ приступѣ эпилептического буйства, ясно припомнилъ и подробно передалъ всѣ обстоятельства преступленія, о которыхъ онъ совершенно не помнилъ въ промежуткахъ между приступами. Подобное же явленіе мы видимъ и въ случаѣ д-ра Ергольскаго, помѣщенномъ въ отдѣлѣ пироманіи, въ которомъ больная то припоминала обстоятельства преступленія, излагала ихъ и чистосердечно приносила раскаяніе, то отказывалась не только отъ преступленія, но и отъ своего собственного сознанія. Очевидно въ такихъ случаяхъ существуютъ двѣ фазы сознанія, рѣзко другъ отъ друга отдѣленные и ничего общаго другъ съ другомъ не имѣющія.

Измѣненія въ области самочувствія. Измѣненія въ области самочувствія могутъ быть качественныя и количественныя. Къ первымъ относятся непріятное, подавленное, отрицательное самочувствіе и веселое, счастливое положительное самочувствіе. Отрицательное состояніе самочувствія наблюдается у меланхоликовъ, положительное — у маниаковъ. Непріятное состояніе самочувствія выражается въ видѣ печали и грусти и въ видѣ тоски, досады и гнѣва. Въ судебно-медицинскомъ отношеніи особенное значеніе имѣетъ состояніе *предсердечной тоски*. Тоска присуща каждому человѣку, какъ душевно больному, такъ и душевно здоровому. Но существуетъ разница и отличіе между тоскою здороваго человѣка и тоскою нервнаго и душевно больного человѣка. У здороваго человѣка предсердечная тоска имѣетъ свою внѣшнюю причину и напряженность и продолжительность тоски стоитъ въ прямомъ отношеніи съ вызвавшей ее причиною. Иное положеніе тоски у нервно и душевно больного человѣка.

Причина предсердечной тоски душевно-больного человѣка лежитъ въ болѣзненномъ измѣненіи питанія его центральной нервной системы. Внѣшнихъ поводовъ къ ея проявленію нѣтъ. Самъ больной ищетъ причины этой тоски и не находитъ, или же находитъ столь ничтож-

ныя, неосновательныя и несоотвѣтствующія степени проявленія тоски, что ясно видитъ *безпричинность* явленія, — недоумѣваетъ поэтому и старается измыслить эти причины, ища ихъ въ условіяхъ прежней жизни, грѣховности и проч. Эта необходимость найти причину своей болѣзненной тоскѣ нерѣдко служитъ поводомъ къ возникновенію меланхолическаго бреда и грѣховности, преступности и преслѣдованіи. Это первое отличіе предсердечной тоски душевно больного человѣка отъ тоски душевно-здороваго человѣка.

Второе отличіе предсердечной тоски душевно-больного человѣка отъ таковой же душевно-здороваго состоитъ въ томъ, что у послѣдняго тоска является слишкомъ рѣзкою и напряженною. Если больной нашель, наконецъ, какой нибудь поводъ для проявленія у него тоски, то все таки эта тоска бываетъ слишкомъ сильна, слишкомъ рѣзко выражена и не соотвѣтствуетъ степени и силѣ самой причины. Люди здоровые не могутъ имѣть представленія о степени напряженности патологической предсердечной тоски. Можно сказать, что самая сильная степень напряженія предсердечной тоски здороваго человѣка представляетъ собою пограничную черту и *minimum* предсердечной тоски душевно-больного человѣка.

Наконецъ, длительность предсердечной тоски душевно-больного человѣка несравнено большая, чѣмъ таковая же у душевно-здороваго человѣка. Она у перваго является затяжною и хроническою и совершенно не соотвѣтствуетъ напряженности вызвавшей или выдуманной причины.

Предсердечная тоска душевно больного человѣка длится часы, дни, недѣли и мѣсяцы. Разумѣется, при такомъ затяжномъ ея теченіи, она представляетъ далеко не одинаковую степень напряженности. Вообще она обладаетъ свойствомъ колебанія-усиленія и ослабленія. Для лучшаго уясненія этого состоянія его удобнѣе раздѣлить на три степени: первую — слабую, вторую — болѣе сильную и третью — сильнѣйшую, доводящую больного нерѣдко и до преступленій. Разумѣется, таковое дѣленіе чисто произвольное и въ природѣ границъ между этими состояніями найти почти невозможно.

Въ первомъ періодѣ предсердечной тоски больной представляется раздражительнымъ, суетливымъ, безпокойнымъ, придирчивымъ и сварливымъ. Ничтожныя

обычныя въздѣйствія обусловливаютъ въ немъ неприятную реакцію и побуждаютъ къ неприятнымъ и непріязненнымъ рѣчамъ и поступкамъ. Больной мало въ это время обдумываетъ свои слова и дѣйствія и часто совершаются поступки рефлекторно.

Во второмъ періодѣ тоска усиливается. Больной замыкается въ себя и тоска накапливается. Сосредоточенный на своей тоскѣ, больной мало обращаетъ вниманія на внѣшнія раздраженія, его органы чувствъ анестезированы и онъ очень мало ими пользуется. Иногда къ этому присоединяются иллюзіи и галлюцинаціи зрѣнія и слуха, отличающіяся назойливостью, неподвижностью, однообразіемъ и постоянствомъ. Такія свойства галлюцинацій еще болѣе усиливаютъ раздражительность больного и въ значительной степени готовятъ почву для взрыва гнѣва, ярости и проявленія третьяго періода предсердечной тоски. Естественно, что при такой сосредоточенности больного на своей тоскѣ и ограниченіи воспріятія внѣшнихъ впечатлѣній, количество представлений, ихъ ясность и отчетливость у такого человѣка будутъ въ значительной степени ослаблены. Содержаніе представлений у такого человѣка мрачное, печальное и неприятное. Сочетаніе представлений слишкомъ одностороннее, идущее по пути неприятныхъ и мрачныхъ представлений и поддерживающихъ мрачное и печальное настроеніе духа. Иллюзіи и галлюцинаціи органовъ чувствъ еще болѣе усиливаютъ расстройства мыслительной области и создаютъ основы для ошибочныхъ и ложныхъ представлений, а замедленный ходъ представлений способствуетъ образованію фиксированныхъ идей и насильственныхъ представлений. Рѣчь, дѣйствія и поступки людей въ этомъ періодѣ тоски медленны, вялы, ограничены и понижены.

Наконецъ третій періодъ, когда тоска достигаетъ наибольшей высоты, асте тоски. Это-то состояніе и подходить въполнѣ подъ состояніе аффекта. Въ большинствѣ это состояніе развивается уже на подготовленной почвѣ. Больной до невѣроятія раздражителенъ. Лицо выражаетъ отчаяніе, взглядъ боязливъ, блуждающій, сердцебиеніе усилено, дыханіе затруднено и поверхностно, пульсъ малъ и частъ, лицо блѣдное или красное, конечности синеваты, движенія быстрыя и порывистыя; мысли спутаны, неясны и представляютъ хаотическій безпорядокъ; въ полномъ блескѣ припадка теченіе мыслей какъ бы

прекращается и вся картина завершается сценою самой ужасной жестокости, направленной противъ себя, или окружающихъ, или даже противъ неодушевленныхъ предметовъ. Страдалецъ теряетъ всякую сообразительность. Дѣйствуетъ чисто рефлекторно. Онъ не обращаетъ вниманія ни на время, ни на мѣсто, ни на обстоятельства, при которыхъ совершаетъ преступленіе. Жертвою буйства становится первый попавшійся предметъ. Если нѣтъ ничего изъ окружающихъ, или больной почему либо на другихъ не можетъ излить неистовую боль, то онъ разражается надъ самимъ собою. Больная Бергмана сама вырвала себѣ глазныя яблоки изъ орбитъ. Нашъ больной, связанный по рукамъ, три раза подъ рядъ втеченіи 3—4 секундъ откусилъ себѣ части языка. Вырываніе на себѣ волосъ, ужасное царапанье лица, самоубійство, убійство, поджогъ и пр.—самыя обыкновенныя явленія при асте тоски. Тотчасъ послѣ преступленія больной чувствуетъ себя какъ бы облегченнымъ, нерѣдко ничего не помнитъ, или смутно помнитъ о самомъ совершенномъ дѣяніи. Не можемъ не отмѣтить того явленія, что приступы тоски часто сопутствуютъ расстройствамъ менструацій,начальному ихъ появленію и исчезанію въ климактерическомъ возрастѣ.

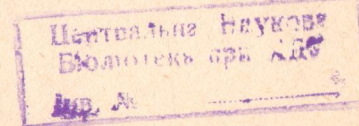
21 іюля 1879 г. въ домѣ умалишенныхъ при харьковскихъ богоугодныхъ заведеніяхъ поступила для испытанія умственныхъ способностей крестьянка, харьковской губерніи, В. М. Подсудимая замужняя, 32 лѣтъ отъ роду, занималась домашнимъ хозяйствомъ, неграмотна, больна уже около 2-хъ мѣсяцевъ и обвиняется въ поджогѣ своей собственной хаты. Наслѣдственности и семейнаго расположенія къ психопатіи, неврозамъ, пьянству и преступленіямъ не обнаруживается. Въ дѣтствѣ воспитывалась въ своемъ семействѣ и ничѣмъ отъ другихъ дѣвочекъ сверстницъ не отличалась. Менструаціи открылись у нея на 16-мъ году, появлялись чрезъ 4 недѣли, продолжались отъ 4 до 5-ти дней безъ боли и особеннаго недомоганія. 18 лѣтъ вышла замужъ и скоро имѣла ребенка. Замужемъ уже 14 лѣтъ. въ теченіи которыхъ имѣла 7 душъ дѣтей. Роды были правильны и безъ особенныхъ затрудненій; но во всѣхъ случаяхъ было сильное кровотеченіе, особенно же въ послѣднихъ трехъ случаяхъ. Дѣвикою М. была очень крѣпкого тѣлосложенія и хорошаго здоровья, затѣмъ послѣ каждаго родовъ она слабѣла и слабѣла. Она сама кормила каждого ребенка около года и въ теченіи всего этого времени не имѣла менструацій. Наибольшая слабость развивалась у М. послѣ послѣднихъ родовъ, которые были въ мартѣ 1879 г. Послѣдняго ребенка она тоже сама кормила. Послѣ родовъ она чувствовала себя слабою, мало занималась дѣломъ, уединялась отъ людей, часто грустила и задумывалась, въ маѣ мѣсяцъ у нея начали развиваться головныя боли, безсонница, дурной аппетитъ и повременамъ безотчетный страхъ. Числа 15—16 больная вечеромъ сразу почувствовала приступъ ужасной тоски,—тоски, доводящей до безсознательнаго состоянія. Рядомъ съ этимъ былъ безотчетный непреодолимый страхъ.

Интересно то, что на больную нападали этот страх и тоска в то время, когда она входила в свой дворъ и свой домъ, почему она стремилась уйти изъ дому. Одновременно съ этимъ она имѣла галлюцинаціи зрѣнія, слуха и осязанія. Больной казалось, что, какъ только вступала въ свой дворъ, она идетъ среди огня: подъ ногами огонь, вокругъ нея огонь, въ глазахъ огонь и въ головѣ огонь. Вокругъ себя слышала шумъ и трескъ. Ее жгло снаружи и огонь проникалъ внутрь. Вся ночь, забравшись въ уголокъ на печи, она на колыняхъ молилась Богу и всетаки не могла оторваться отъ душившаго ее страха, ужаса и тоски. Къ утру ей стало легче и она ушла къ сестрѣ. Сестра не приняла М., боясь, чтобы не сказали, что она служитъ разлучницею между нею и мужемъ. Больная опять возвратилась домой. Весь день страхъ и тоска не покидали ее. Она не могла заниматься никакимъ дѣломъ. Сидѣла въ постели и плакала. Къ вечеру опять та же исторія и опять вся ночь безсонницы и ужаса. Такъ длилось 4 дня. Послѣ этого тоска и страхъ ослабѣли и галлюцинаціи прекратились. Больная была только печальна, плохо ѣла и пила, мало спала и много плакала. Къ этому присоединялась работа о мужѣ. Мужъ ея, занимаясь полевыми работами, нерѣдко ночевалъ въ полѣ. Подсудимой казалось, что мужъ ее бросилъ и проводитъ время съ другими женщинами, — почему она еще больше начала тосковать и плакать. Часто она придиралась къ своему мужу и укоряла его въ невѣрности. Въ такомъ состояніи колебанія: то улучшенія болѣзни, то ухудшенія ея, М. пробыла до начала іюля 1879 г. 5-го іюля больная опять подвергается сильному приступу тоски. Этотъ приступъ былъ еще сильнѣе перваго, — и въ этотъ-то моментъ она совершила преступленіе. Сама больная передаетъ объ этомъ слѣдующее: „Съ утра уже въ этотъ день мнѣ было нехорошо, ходила я съ мѣста на мѣсто, плакала покоя и нигдѣ не могла найти его. Тоска и мука не давали мнѣ покоя. Взялась за работу, работа не идетъ на умъ. Пришло обѣденное время. Ничего не ѣла. Только и было, что грызла камфору, это меня нѣсколько облегчало. Вечеромъ сдвину корову. Мука доходила до крайности. Принесла молоко, ткнула его въ руки дѣвочки, да бѣжать со двора. Побѣжала я въ расправу, чтобы меня арестовали, такъ какъ анала, что сдѣлаю что-то недоброе. Не успѣла я нѣсколько отбѣжать, какъ мужъ догоняетъ меня и ведетъ домой. Я просила его отвести меня въ расправу. Не послушался... Привелъ домой... „Ложись, говоритъ, спать и я лягу въ комнатѣ.“ Не могла я спать. Страхъ, тоска и внутренняя мука душили меня. Какъ огнемъ жгло меня въ груди. Бросилась я на колѣни предъ иконою, начала плакать, начала молиться. Не нашла покоя. Сбѣжала на печь. Притаилась въ уголокъ на колыняхъ. Молюсь Богу. Плачу навзрыдь. Нѣтъ покоя. Положила около себя дѣвочку, можетъ быть не такъ страшно будетъ. Все тоже. Страхъ, тоска, мука и огонь въ головѣ и груди раздирали меня. Такъ и тянетъ меня повѣситься, насилу удерживалась. Вокругъ меня скалки (искры) такъ и блещутъ. Шумъ и громъ не переставая греметь. Кто-то постоянно окликаетъ меня по имени: „Василиса, Василиса“, — но чей голосъ — не знаю. Окликаюсь, — ничего не отвѣчаю. Мнѣ казалось, что мужъ стоитъ около меня и щелкаетъ пальцами, а изъ пальцевъ сыпятся искры. Вокругъ меня какой-то удивливый запахъ, который, какъ бы нарочно, мужъ напускаетъ, чтобы известить меня. Утромъ мужъ заставилъ меня доить корову. Возвратилась въ хату съ молокомъ. Страхъ и тоска продолжаютъ. Хочу заняться работой — не могу. Лягу на постель, не спится и не ложится. Пойду во дворъ — тоже нудьга. Прошу старшую дѣвочку, чтобы она не уходила отъ меня. Она сначала и была при мнѣ, а потомъ ушла. Страхъ сталъ еще большій. Схватила

и свички, схватила паклю, зажгла и бросила на чердакъ. Загорѣлось. Мнѣ стало немного легче, но я всетаки сильно мучилась. Сначала я бѣгала въ хатѣ, хотѣла сгорѣть вмѣстѣ съ хатою, а потомъ стало назой маленькаго ребенка, который былъ со мною. Его вынесла и сама вышла, тѣмъ и спаслась отъ огня“.

Въ судебно-психіатрическомъ отношеніи весьма важно понимать механизмъ преступленія подъ вліяніемъ предсердечной тоски (*anxietas praecordialis*) и припадка меланхолическаго буйства (*raptus melancholicus*). При этомъ больной никогда не ищетъ какого либо объекта предмета и не стремится къ достиженію какой либо опредѣленной задачи и цѣли. Всѣ дѣйствія такого больного являются безцѣльными и лишонными сообразительности. Тоска въ этихъ случаяхъ дѣйствуетъ на мыслительные и задерживающіе центры, какъ тормозъ, угнетая и подавляя ихъ. Что это дѣйствительно такъ, доказательствомъ служитъ слѣдующее явленіе: многие меланхолики страдаютъ тоскою. Многимъ изъ нихъ приходитъ мысль о самоубійствѣ, но они боятся это сдѣлать. И рѣшаются на самоубійство почти всегда въ разгарѣ приступа тоски, т. е. въ третьемъ ея періодѣ, когда мыслительная дѣятельность бываетъ подавлена и заторможена. Всѣ поступки страдающаго тоскою служатъ только вынужденнымъ выраженіемъ мучающей тоски и внутренней душевной боли. Самыя движенія и дѣйствія являются какъ бы конвульсивными и судорожными, и самое сознаніе въ большинствѣ бываетъ помрачено. Естественно послѣ этого, что въ преступленіи, вслѣдствіе тоски, преступникъ не разбираетъ времени, мѣста, орудія преступленія, личности для преступленія и др. условій, — а дѣлаетъ то и такъ, какъ это сложится въ данный моментъ и при данныхъ условіяхъ, безъ всякой предзанятой мысли. Въ силу такихъ условій, преступленія подъ вліяніемъ предсердечной тоски будутъ носить на себѣ отпечатокъ нецѣлесообразности и ужаса. Въ этомъ подобныя картины вполне походятъ на картину преступленій подъ вліяніемъ эпилептическаго буйства.

Не говоря о другихъ отличительныхъ чертахъ того и другого состоянія, мы упомянемъ объ одномъ: послѣ эпилептическаго буйства больной впадаетъ въ состояніе угнетенія, депрессіи (*Samt*), а послѣ буйства подъ вліяніемъ предсердечной тоски больной чувствуетъ какое-то душевное облегченіе и успокоеніе. Такимъ образомъ третій періодъ, асме, тоски, отличается необыкновенною повы-



шенностью рефлексовъ, при томъ рефлексовъ сложныхъ, комбинированныхъ.

Аффектъ. Всякое наше ощущеніе и представленіе сопровождается реакціей самочувствія, степень проявленія и характеръ коего всегда находятся въ прямомъ соотновленіи съ содержаніемъ ощущенія, или представленія. Въ обычной жизни чувственная сторона должна находиться въ подчиненіи сторонѣ мыслительной; однако существуютъ различныя лица, у коихъ колебанія въ состояніи самочувствія бываютъ очень повышены, или очень понижены. Встрѣчаются люди, отъ ничтожныхъ причинъ приходящіе въ вспыльчивость, раздражительность, гнѣвъ и ярость, бываютъ и такія лица, кои и сильными раздраженіями не выводятся изъ своего равнаго состоянія. Усиленные и чрезмѣрные колебанія въ области аффектовъ, въ однихъ случаяхъ обуславливаются врожденными свойствами центральной нервной системы, въ другихъ случаяхъ они обуславливаются истощающими жизненными моментами, какъ: пьянство, развратъ, болѣзни, пуэрперальные процессы и проч. Это состояніе въ прежнее время описывалось подъ именемъ *irascundia morboza*. Быстро наступающее расстройство душевнаго равновѣсія и составляетъ аффектъ. Въ однихъ случаяхъ аффектъ идетъ одновременно съ сохраненіемъ сознанія и дѣйствія и поступки, хотя до нѣкоторой степени, задерживаются и подавляются сознаніемъ, — другой разъ аффектъ бываетъ настолько силенъ, что подавляетъ въ человѣкѣ сознаніе окружающей обстановки и современныхъ обстоятельствъ и, наконецъ, въ иныхъ случаяхъ аффектъ совершенно подавляетъ сознаніе и выводитъ данный моментъ времени изъ круга сознанія и воспоминанія.

Различаютъ аффекты пріятнаго и непріятнаго свойства; различаютъ также аффекты тѣлесные и нравственные или этические, къ послѣднимъ относятъ: чувство собственнаго достоинства, уваженія, сочувствія или состраданія, призрѣнія и проч. Если какое либо представленіе переходитъ въ стремленіе и не находитъ себѣ исхода, то оно легко можетъ разрѣшиться аффектомъ ярости.

Хотя всѣ люди одинаково склонны къ проявленію аффектовъ, тѣмъ не менѣе степень ихъ проявленія во многомъ обуславливается личными особенностями даннаго человѣка, такъ, при этомъ играютъ роль: возрастъ (лю-

ди въ молодомъ возрастѣ болѣе склонны къ аффектаціи, въ арѣломъ и пожилomъ — несравненно менѣе), полъ, темпераментъ, воспитаніе, условія жизни, удары судьбы, сильныя впечатлѣнія и проч. Всѣ эти условія могутъ способствовать или сохраненію равновѣсія, или его нарушенію; по этому прилагать одну и ту же мѣрку взысканія и опредѣленія ко всѣмъ людямъ и неправильно и несправедливо.

Какъ нѣтъ рѣзкихъ границъ между умомъ и слабоуміемъ, такъ точно существуетъ множество переходныхъ ступеней отъ возбудимости человѣка нормальнаго къ возбудимости патологической. Такой переходный классъ людей, напр., представляютъ холерики, которые постоянно проявляютъ состояніе раздраженія, раскаянія и опять раздраженія и раскаянія.

Дать точное опредѣленіе аффекту очень трудно; мы ¹⁾ его опредѣляемъ такъ: подъ именемъ аффекта разумѣется уклоненіе въ душевной дѣятельности, характеризующееся моментальною потерей сознанія и уничтоженіемъ свободы воли, съ послѣдовательнымъ истощеніемъ и непродолжительнымъ помраченіемъ ума, при одновременномъ сохраненіи нерѣдко самой сложной дѣятельности со стороны, двигательной системы. Bihler ²⁾ говоритъ, что, съ клинической точки зрѣнія, это есть шокъ, который вызываетъ то большія, то меньшія измѣненія въ сосудистой иннервации, обуславливающія потерю сознанія и амнезію. Krafft-Ebing говоритъ, что повышенная аффективность представляетъ собою постоянную душевную гиперестезію, малѣйшія измѣненія въ которой могутъ давать вспышки, въ видѣ періодическаго буйства и ярости, почему онъ, какъ и Müller, и Bihler и др., относятъ патологическій аффектъ къ области проходящихъ расстройствъ самосознанія.

Не имѣя въ виду подробнаго изложенія ученія объ аффектахъ вообще и преслѣдуя, главнымъ образомъ, изученіе патологическаго аффекта, мы должны указать на еще одно дѣленіе аффектовъ, по формѣ своего проявленія: стеническіе и астеническіе аффекты. Къ первымъ относятся: гнѣвъ, радость, отчаяніе и проч., ко вторымъ: печаль, испугъ, боязнь и проч. Первые сопровождаются возбужденіемъ и чрезмѣрнымъ усиленіемъ душевной,

¹⁾ П. И. Ковалевскій. Общая психопатологія, изд. 4, стр. 92.

²⁾ Bihler. Der pathologische Affect, Friedreichs Blätter 1893.

особенно мускульной, дѣятельности, вторые—уменьшеніемъ послѣдней и они-то составляютъ собою въ собственномъ смыслѣ оцѣпенѣніе. Астеническіе аффекты мало представляютъ данныхъ для совершенія преступленій, почему мы оставимъ ихъ въ сторонѣ и особенное наше вниманіе обратимъ на стеническіе аффекты, которые наиболѣе часто даютъ поводъ судебно-психіатрической экспертизѣ.

Въ теченіи стеническаго аффекта различается три періода: періодъ предуготовительный, предшествующій аффекту, періодъ взрыва страсти или самаго аффекта и періодъ истощенія, послѣдующій за аффектомъ.

I. *Предуготовительный періодъ.* Почти всегда стеническій аффектъ имѣетъ въ основѣ своей печальное, мрачное, и подавленное настроеніе. Сюда на помощь могутъ прійти хроническіе аффекты (Kraepelin) заботы, горя и раскаянія. Этотъ психологическій моментъ самъ по себѣ можетъ стать почвою и импульсомъ къ проявленію и разряженію аффекта, но къ этому присоединяется еще анатомическій моментъ—анемія мозга, недостаточное его питаніе и ограниченное окисленіе. Это тотъ фонъ, на которомъ возникаетъ аффектъ и который служитъ предуготовленіемъ для его развитія.

Предшествующій или предуготовительный періодъ аффекта можетъ быть и не быть, но въ огромномъ большинствѣ случаевъ онъ бываетъ. Продолжительность его различна—отъ нѣсколькихъ минутъ и часовъ и до нѣсколькихъ дней и мѣсяцевъ. Въ этомъ періодѣ человѣкъ пребываетъ въ очень мрачномъ и подавленномъ настроеніи духа, или же въ состояніи раздраженія, озлобленія и гнѣва, вслѣдствіе цѣлаго ряда неудачъ, непріятностей, огорченій и толчковъ. Примѣръ: чиновникъ честно и добросовѣстно исполняетъ свои обязанности; но почему то ему не везетъ. Масса придировокъ и оскорбленій валится на неудачника. А между тѣмъ семья хочетъ кушать, нужно ее содержать. Приходится терпѣть и все переносить. Человѣкъ честнымъ трудомъ и терпѣніемъ стремится получить высшее мѣсто и большее содержаніе. Но разъ за разомъ люди протекціи отбиваютъ у него искомое и ожидаемое. У него накапливается злоба и противъ счастливицъ и противъ начальства. Но вотъ ему обѣщали мѣсто. Онъ является на службу въ полной увѣренности услышать отъ начальника, что онъ назначенъ на высшую должность. Но вмѣсто этого

ему бросаютъ въ глаза отказъ и насмѣшку. Мѣра терпѣнія человѣка переполнилась. Ярость одолѣла. Въ глазахъ помутилось и, не сознавая ни окружающихъ, ни себя, онъ наноситъ оскорбленіе дѣйствіемъ начальнику.

Въ этомъ актѣ выступаетъ два явленія: болѣе или менѣе продолжительное подготовленіе и переживаніе раздраженного состоянія и неожиданность и внезапность наносимаго послѣдняго раздраженія, упавшаго на подготовленную почву. Быть можетъ въ мысляхъ больного уже не разъ совершался этотъ поступокъ, но онъ совершался мысленно и не находилъ себѣ осуществленія на дѣлѣ. До сихъ поръ сознаніе и мышленіе тяготѣли надъ страстною стороною дѣла, они сдерживали ее и не отпускали въ дѣйствіе двигательной области. Но теперь наступилъ моментъ, когда страсть взяла перевѣсъ надъ разсудкомъ. Сознаніе и мышленіе выведены изъ круга дѣятельности и произошла непосредственная передача нѣтъ чувственной стороны на двигательную.

Въ виду этого обстоятельства, во всѣхъ случаяхъ аффекта должно обращать вниманіе на предуготовительный періодъ,—должно тщательно изучать душевное состояніе совершившаго преступленіе до совершенія его, обстоятельства, при которыхъ оно совершено и психологию лица, которому нанесено оскорбленіе. Почти всегда тщательное изученіе дѣла увѣнчивается успѣхомъ и даетъ возможность разяснить характеръ самого преступленія.

II. *Періодъ аффекта или умоизступленія.* Проявленію аффекта или умоизступленія всегда предшествуетъ сильное чувственное потрясеніе или сильный взрывъ страсти. Въ большинствѣ случаевъ напряженность аффекта будетъ стоять въ прямомъ отношеніи къ силѣ взрыва страсти или чувственного напряженія, вызвавшаго аффектъ. Кромѣ того, на напряженность аффекта оказываетъ громадное вліяніе внезапность и неожиданность появленія взрыва страсти и, наконецъ, — что весьма важно,—полученіе извѣстія или чувственного воспріятія, совершенно обратнаго по своимъ качествамъ тому, которое человѣкъ ожидалъ. Каждое изъ этихъ условій само по себѣ уже имѣетъ громадное значеніе на силу аффекта, а еще и того болѣе, если всѣ эти условія соединятся вмѣстѣ и дѣйствуютъ одновременно. По этому наибольшій аффектъ получится въ томъ случаѣ, когда взрывъ чувства и страсти появится внезапно, имѣетъ чрезвычайную степень напряженности, вызываетъ неожиданно

и содержитъ значеніе, совершенно обратное ожидаемому.

Разумѣется, почти во всѣхъ случаяхъ аффекта, толчкомъ къ появленію его служитъ не простое чувствительное воспріятіе, не простое ощущеніе, а воспріятіе чувственное, страстное начало. Всякое такое чувственное или страстное состояніе въ области душевной можетъ дѣйствовать по двумъ направленіямъ: оно воздѣйствуетъ на область представленій и на область движеній. Примѣръ: кого либо публично назвали подлецомъ. Вызванный этимъ заявленіемъ гнѣвъ дѣйствуетъ въ двоякомъ направленіи: первый порывъ — побить обидчика, одновременный же — что нужно сдѣлать при этомъ?

Если въ области представленій сопоставленіе различныхъ условій будетъ настолько сильно, что одолѣетъ моментальный взрывъ страсти гнѣва, то движеніе къ избѣженію задерживается, обидчикъ остается непобитымъ и обиженный избираетъ другой путь для очищенія нанесеннаго ему оскорбленія. Но могутъ быть и такіе случаи, гдѣ взрывъ гнѣва совершенно подавляетъ происхожденіе ассоціаціи представленій и всею силою обрушивается на двигательную область, — тогда въ заключеніе получается драка.

Какова бы ни была сила страстнаго или чувственнаго взрыва, всегдашнее его вліяніе на область представленій таково, что ходъ представленій моментально останавливается или тормозится. Въ высшей степени аффекта въ области представленій происходитъ полная задержка хода представленій; послѣднимъ представленіемъ будетъ то, которое основано на чувственномъ взрывѣ, да и то будетъ какъ-то неясно. Въ менѣе напряженныхъ случаяхъ нѣкоторая ассоціація представленій возможна, но она при этомъ бываетъ не всесторонняя, а крайне ограниченная. Сочетаются только тѣ представленія, которыя находятся въ какомъ-либо родствѣ съ основнымъ. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ происходитъ въ полномъ смыслѣ потеря сознанія, т. е. потеря возможности сопоставлять представленія и чувствительное начало и дѣлать изъ этого тотъ или другой выводъ.

Тѣ мозговые центры, которые служатъ источникомъ представленій и сопоставленія представленій, слѣдовательно, центры, упорядочивающіе наши дѣйствія путемъ всесторонняго обсужденія, во время аффекта бываютъ парализованы, они какъ-бы выводятся изъ цѣ-

ни душевной дѣятельности. Взрывъ страсти, такимъ образомъ, дѣйствуетъ все-таки двояко: на область представленій, поражая и парализуя ее, и на область движеній, вызывая въ ней ничѣмъ несдерживаемую необузданную дѣятельность.

Естественно, что при этомъ состояніи мыслительной области, при плохомъ состояніи области представленій, выбора въ дѣйствіи не существуетъ. Всякое движеніе есть непосредственный эффектъ чувства. Слѣдовательно, всякое движеніе въ аффектѣ является *простымъ рефлексомъ*, является машинообразно, роковымъ образомъ. Всѣ поступки человѣка безсознательны, они перестаютъ быть свободными дѣйствіями, а становятся безсознательнымъ проявленіемъ прямого раздраженія перкомоторныхъ центровъ мозговой коры ¹⁾. Такое движеніе, какъ бы оно ни было цѣлесообразно или нецѣлесообразно, не можетъ не явиться.

Свободы воли въ такихъ случаяхъ не бываетъ, потому что въ области сужденій не происходитъ никакой дѣятельности, нѣтъ колебанія и нѣтъ выбора между выводомъ разсудка и требованіемъ страсти. Произвольное движеніе является только лишь подъ вліяніемъ страсти, безъ всякаго участія со стороны разсудка. Слѣдовательно, фраза — *свобода воли* означаетъ только лишь то, что при совершеніи извѣстнаго поступка не было выбора между выводомъ сознанія и разсудка и требованіемъ страсти, а все дѣйствіе произошло подъ вліяніемъ одной страсти.

Слѣдовательно, важнѣйшій признакъ состоянія аффекта есть *прекращеніе дѣятельности въ области представленій, остановка хода представленій и выведеніе этой области изъ цѣпи душевной дѣятельности*. Послѣднимъ представленіемъ будетъ то, которое вызвано взрывомъ страсти, и всѣ поступки въ подобныхъ случаяхъ будутъ происходить рефлексорно, машинально, роковымъ образомъ. Естественно отсюда, что въ этихъ случаяхъ свобода воли будетъ отсутствовать вполнѣ, свободный выборъ дѣйствія не существуетъ или же состояніе сознанія будетъ находиться въ видѣ сноподобномъ, почему опять таки дѣйствія будутъ произведены механически и автоматически. Это состояніе справедливо называютъ

¹⁾ Krafft-Ebing, Lehrbuch der Psychiatrie, Bd. 1, S. 547.

бессознательнымъ, помраченіемъ ума, безпамятствомъ, умоизступленіемъ и проч.

Казуистика намъ говоритъ, что почти во всѣхъ случаяхъ аффектовъ люди, находящіеся въ этомъ состояніи, ничего не помнятъ о происшедшемъ съ ними въ моментъ аффекта. Последнее, что остается въ ихъ памяти, это моментъ взрыва страсти, а что затѣмъ—они рѣшительно не помнятъ. Правдиво ли это? Не есть ли это ложь и надувательство? Быть можетъ, они отлично все помнятъ и только не хотятъ намъ говорить объ этомъ? Мы знаемъ, что память слагается изъ двухъ элементовъ: способности *запоминанія*, т. е. усвоенія данныхъ ощущений, и способности *припоминанія*, т. е. восстановления прежде бывшихъ ощущений и представлений. Въ этомъ случаѣ поражается способность припоминанія, т. е. восстановления того, что было съ человѣкомъ въ моментъ аффекта. Но для того, чтобы правильно и отчетливо дѣйствовала способность *воспоминанія*, необходимо, чтобы предварительно было полное и точное усвоение впечатлѣній и ясное образование изъ нихъ представлений. А мы знаемъ уже, что въ моментъ аффекта ни воспріятія впечатлѣній, ни образования ощущений и представлений не происходитъ. Последнее представление—это вызванное взрывомъ страсти, — далѣе же область представлений не работаетъ. А потому весьма естественно и заслуживаетъ полного довѣрія заявленіе лицъ, перенесшихъ состояніе аффекта, о томъ, что они рѣшительно ничего не помнятъ объ этомъ состояніи. Помнить—значитъ удерживать тѣ представленія и понятія, которыя образуются въ извѣстный моментъ; такъ какъ въ моментъ аффекта ни представленія, ни понятія не образуются, то и помнить нечего. Krafft-Ebing говоритъ: для слѣдователя первымъ указаніемъ существованія патологическаго аффекта должно служить прежде всего показаніе обвиняемаго о томъ, что онъ не помнитъ или помнить не вполне содѣянное имъ.

Не остается безъ измѣненій и тѣлесная сторона жизни человѣка въ моментъ аффекта. Подъ вліяніемъ страсти, въ стеническомъ аффектѣ, лицо красное, глаза блестящіе, кровообращеніе усилено, дыханіе то захватывается, то бываетъ учащено, пульсъ тоже подвергается измѣненію (Wolff), иногда при этомъ наблюдается разстройство сердечной дѣятельности, слезливость, потѣніе, смѣхъ, дрожь и проч. При аффектѣ страха, испуга и ожи-

данія могутъ явиться иллюзіи и галлюцинаціи, которыя дадутъ картинѣ аффекта нѣсколько иной оттѣнокъ. Иногда сильный аффектъ можетъ заканчиваться душевнымъ длительнымъ заболѣваніемъ и даже слабоуміемъ (Krafft-Ebing).

Такимъ образомъ, второй періодъ аффекта, или въ собственномъ смыслѣ аффектъ, характеризуется взрывомъ чувства или страсти, прекращеніемъ мыслительной дѣятельности, усиленнымъ движеніемъ соотвѣтственно взрыву страсти, и измѣненіями въ кровообращеніи, дыханіи и питаніи мозговыхъ центровъ. Въ этихъ случаяхъ происходитъ какъ-бы особенное какое-то органическое раздраженіе въ психомоторныхъ центрахъ мозговой коры, съ одновременнымъ парализующимъ вліяніемъ на центры чувствительные и мыслительные.

III. *Періодъ истощенія* или *послѣдующій за аффектомъ*. Нѣтъ слова, что аффектъ есть чрезмѣрное напряженіе силъ, какъ физическихъ, такъ и особенно нравственныхъ и мыслительныхъ. Естественно ожидать, что въ такомъ сильномъ напряженіемъ послѣдуетъ соотвѣтственное тому расслабленіе и истощеніе.

Бываютъ случаи, что люди, послѣ приступа сильнаго аффекта, нерѣдко послѣ сильнѣйшаго преступленія, падаютъ и засыпаютъ сномъ праведнаго на мѣстѣ преступленія. Но это далеко не всегда такъ. Въ другихъ случаяхъ замѣчается явственное расслабленіе и истощеніе. Расслабленіе это замѣчается въ лицѣ, конечно-стяхъ, походкѣ и движеніяхъ. Лицо больного выражаетъ усталость и изможденность, ноги едва передвигаются, нѣтъ рукъ падаютъ предметы и пр. Все окружающее какъ бы не касается человѣка, онъ относится ко всему тупо и глухо; органы чувствъ почти лишены способности воспріятія, или же, если они и работаютъ, то крайне мало и невнимательно.

Нравственное чувство тоже до крайности притуплено, замѣчается поразительное равнодушіе ко всему содѣянному. Нерѣдко при всеобщемъ возбужденіи, при всеобщемъ возмущеніи поступкомъ или преступленіемъ данного лица, одинъ только преступникъ остается ко всему безразличнымъ и равнодушнымъ. Это равнодушіе человѣка послѣ аффекта, равнодушіе какъ къ своей жертвѣ, такъ и къ самому себѣ, заставляетъ обращать на себя вниманіе. Оно служитъ положительнымъ при-

накомъ полного истощенія душевной дѣятельности и указываетъ на полную неспособность къ воздѣйствію.

Мыслительная область представляетъ собою состояніе помраченія. Количество представлений, правда, больше, чѣмъ въ моментъ аффекта, но представленія эти бываютъ крайне безсвязны, разрознены и вполне не соответствуютъ данному положенію. Человѣкъ не можетъ собраться съ мыслями, привести ихъ въ порядокъ, дать имъ надлежащее теченіе и сдѣлать надлежащую оцѣнку содѣянному. Во всей его умственной дѣятельности замѣтно полное отсутствіе личнаго участія, все дѣлается какъ-то само собою машинально.

Не у всѣхъ лицъ въ одинаковой мѣрѣ могутъ возникнуть аффекты, напротивъ, одни расположены къ нимъ болѣе, другіе менѣе. Темпераментъ, характеръ, воспитаніе, слѣдовательно, обстоятельства, за которыя никоимъ образомъ не можетъ отвѣчать то или другое лицо, оказываютъ могущественное вліяніе на форму проявленія аффекта ¹⁾. Поэтому важно знать тѣ условія, которыя способствуютъ возникновенію аффекта и даже иногда дѣлаютъ его неизбѣжнымъ. Сюда относятся:

а) Появленіе раздражительности и наклонности къ вспыльчивости и аффектамъ, до безпамятства, отъ рожденія. Въ этомъ случаѣ состояніе раздражительности будетъ унаслѣдованное.

б) Общественныя условія жизни, когда человѣкъ съ дѣтства лишенъ воспитанія, видѣлъ всюду страсти, нерѣдко самъ участвовалъ въ этихъ страстныхъ проявленіяхъ, унаслѣдованная способность къ пьянству, усиленный развратъ, бѣдность и несчастная жизнь, постоянныя жизненныя неудачи, занятія, связанныя съ постояннымъ раздраженіемъ и проч.

в) Органическія страданія: пороки сердца, хроническія болѣзни легкихъ, нарушеніе менструаціи, болѣзни другихъ органовъ тѣла, истощеніе, общее малокровіе, травма, инфекціонныя болѣзни и пр.

д) Расположеніе къ нервнымъ страданіямъ. Сюда относятся патологическая нервная наследственность и семейное расположеніе къ неврозамъ: крайняя раздражительность характера, нервность (*neurosis*), органическія страданія нервной системы: воспаленіе мозга и его

¹⁾ Краффтъ Эбингъ. Начало уголовной психіатріи, стр. 119.

оболочекъ, высшіе невроты, какъ: истерика, пляска Св. Пята, эпилепсія и проч.

е) Психозы, — особенно же меланхолія, эпилепсія и прогрессивный параличъ помѣшанныхъ, идіотія и тупоуміе; но самыми опасными въ этомъ отношеніи являются люди, стоящіе на границѣ между тупоуміемъ и нормою (нравственно помѣшанные, маттоиды и проч.); это состояніе тѣмъ болѣе затруднительно для оцѣнки; что такіе люди, обнаруживая отсталость и недостатокъ высшихъ чувствъ, для обычныхъ людей не кажутся больными. Не обладая равновѣсіемъ, они становятся игрушкой страсти.

Нѣкоторые психіатры, по отношенію къ вмѣняемости, дѣлятъ аффекты на двѣ категоріи: *аффекты физиологическіе и аффекты патологическіе*. Къ физиологическимъ относятся всѣ тѣ, которые обнаруживаются у людей совершенно здоровыхъ; къ патологическимъ же аффектамъ — тѣ аффекты, въ основѣ которыхъ можно найти вышеуказанныя болѣзненные явленія.

При патологическомъ аффектѣ центральная нервная система уже раньше бываетъ расшатанною и представляетъ функціональную психическую слабость высшихъ душевныхъ проявленій.

Переводя эти термины на языкъ законодательства, мы полагаемъ, что физиологическій аффектъ будетъ соответствовать термину *вспыльчивость*, а патологическій аффектъ — *состоянію болѣзни, доведшей до умоизступленія и полного безпамятства*.

Что касается вмѣняемости и отвѣтственности такихъ лицъ, то, принимая во вниманіе болѣзненность этого состоянія, онѣ должны быть уменьшенными, или и вовсе отсутствовать, въ зависимости отъ того имѣемъ ли мы дѣло съ физиологическимъ или патологическимъ аффектомъ. Законъ не долженъ поощрять аффектовъ, но разъ признано, что это болѣзненное состояніе и развивается на патологической почвѣ, то за поступки въ такомъ состояніи человѣкъ не можетъ считаться виновнымъ и подвергаться отвѣтственности. Поэтому физиологическій аффектъ долженъ быть признанъ за условіе, смягчающее вину даннаго лица, а патологическій аффектъ долженъ избавлять данное лицо отъ отвѣтственности.

Мы приведемъ здѣсь случаи изъ собственной практики:

1) Я., 52 л., дворянин, отставной гусарь, помѣщикъ, холостъ, обвинялся въ убійствѣ выстрѣломъ изъ револьвера своего слуги. Я. происходилъ отъ здоровыхъ родителей и до 40 л. ни чѣмъ не болѣлъ, съ 40-лѣтняго же возраста у него появилась половая импотенція, отъ которой онъ много и бесплодно лѣчился. Кромѣ того онъ страдалъ головокруженіемъ, непроизвольнымъ истеченіемъ семени, значительную чувствительностію позвоночника и нервнымъ раздраженіемъ. По выходѣ въ отставку, около 20 лѣтъ назадъ, онъ поселился въ своемъ маленькомъ имѣніи и велъ тихую и скромную жизнь. Дворянскую свою онъ очень любилъ и вмѣстѣ съ нею ѣлъ и пилъ. Это былъ „душа человѣкъ“. Всѣ крестьяне его очень любили и онъ былъ съ ними простъ, добръ и обходителенъ. Особенно онъ баловалъ свой дворъ. Съ бабами и дѣвками онъ велъ себя свободно, шутилъ, игралъ и баловался, но эти отношенія никогда не заходили за извѣстные предѣлы и не было примѣра, чтобы онъ пользовался бабами. Равно и мужья этихъ женщинъ не видѣли въ этихъ отношеніяхъ чего нибудь обиднаго предосудительнаго и свободно ихъ допускали. Я. любилъ общество, бывалъ у сосѣдей, сосѣди также любили его. У Я. не было враговъ. По словамъ сосѣдей, Я. былъ человѣкъ честный, добрый, самолюбивый, изыскано вѣжливый, но съ нѣкоторыми причудами и вспыльчивый. У этого человѣка жила въ теченіи 8 лѣтъ маленькая дѣвочка У. Доживши до 16 л. она ушла отъ него и вышла замужъ за С. Къ сожалѣнію, замужемъ она была несчастна. Ея мужъ былъ эпилептикъ, человѣкъ крайне грубый, дерзкій, злой, подозрительный, глуповатый и ревнивый. Онъ ревновалъ свою жену и къ фельдшеру, и къ уряднику, и ко всѣмъ крестьянамъ, хотя совершенно безъ всякаго повода. Часто онъ безпричинно придирался къ своей женѣ, ссорился, бранилъ и билъ. Сначала мужъ и жена жили въ семьѣ мужа, но ихъ оттуда выгнали. Перешли къ сосѣдямъ, и оттуда выгнали. Поселились въ своей хатѣ и тутъ несладко шла жизнь. Видя такое житье своей питомицы, Я. предложилъ перейти жить къ нему. Та перешла, но противъ этого сильно возсталъ мужъ и потребовалъ, чтобы Я. принялъ и его на службу къ себѣ. С. приняла дворникомъ. Съ этихъ поръ началась адъ въ домѣ Я. Начали раздаваться крики, шумъ, гамъ, брань, побои, визгъ и плачь. Тяжело было всѣмъ, но вдвое тяжелѣе было Я. Долго онъ терпѣлъ и старался урезонить С., но всѣ убѣжденія были напрасны. Битые продолжались. Наконецъ, Я. предложилъ С. сто рублей, чтобы она не билъ свою жену и оставилъ ее и его домъ въ покоѣ. Но С. продолжала безобразить въ домѣ Я. Для Я. стала жизнь противна. Между тѣмъ С. перенесъ свою злобу съ У. и на Я. Онъ косился на Я., втихомолку бранилъ его и похвалялся убить Я. Эта похвальба С. дошла до свѣдѣнія Я. Все это неблагоприятно подѣйствовало на Я. Онъ сталъ задумчивъ, придиричивъ, раздражителенъ, несправедливъ къ окружающимъ и слезливъ. Между тѣмъ неурядицы усиливались. Это еще болѣе разстроило Я. Онъ не спалъ по ночамъ и сдѣлался осторожнымъ, уходилъ изъ дому и не разставался съ револьверомъ и два раза изъ боязни не ночевалъ дома. Его домъ пересталъ теперь быть для него мѣстомъ покоя и онъ сталъ избѣгать и чуждаться своего дома. По поводу похвальбы С. убить Я., Я. жаловался сосѣдямъ: „что мнѣ дѣлать,—три дня назадъ я хотѣлъ покончить съ собою.... дома визгъ, крикъ, брань.... Все это невыносимо для меня“... Измѣненія въ характерѣ Я. усиливались и онъ по ночамъ сталъ баррикадировать свою дверь, чего прежде не дѣлалъ. За день до преступленія Я. былъ взволнованъ, какъ бы въ лихорадочномъ состояніи, жаловался на свое одиночество и безпомощность, на плохо сложившуюся жизнь, а также и на то, что за всѣ его

дѣла его же хотѣть и убить. Въ этотъ день Я. былъ въ гостяхъ. Возвращаясь ночью домой онъ боялся и его проводили два сосѣда. Пришелъ домой въ 2 часа ночи. Я. очень просилъ сосѣдей остаться у него ночевать, такъ какъ онъ боялся одинъ оставаться, но тѣ не остались. Въ это время ссоры и драки въ семьѣ С. шли возрастающая и возрастающая. На другой день Я. былъ мраченъ. Отказался отъ чая. Пошелъ въ церковь, гдѣ съ уважаемымъ сосѣдомъ держалъ себя очень странно. По приходѣ изъ церкви домой, Я. написалъ сосѣду такое письмо: „Секретно. Ради всего святаго, добрый П. Н., привѣжайте на одинъ часъ послѣ обѣда“. Отъ обѣда Я. отказался и сидѣлъ въ своей комнатѣ. Въ это время раздался неистовый визгъ. Это С. билъ свою жену и возмущалъ ее за косу. Я. былъ внѣ себя и бросился къ ихъ комнатѣ. Въ это время С. выскочилъ изъ своей комнаты. Толкнулъ-ли онъ Я., или нѣтъ,—Я. этого не помнитъ, но С. повалился мертвымъ отъ пули изъ револьвера Я. Совершивши преступленіе, Я. былъ пораженъ какъ громаднымъ металомъ изъ стороны въ сторону, ломалъ себѣ руки, плакалъ и представлялся какъ бы безумѣвшимъ. Въ дальнѣйшемъ онъ представлялся крайне взволнованнымъ, ошеломленнымъ, спутаннымъ, растеряннымъ и даже галлюцинировалъ. Мало по малу все это состояніе улеглось, при чемъ Я. совершенно не помнилъ обстоятельствъ преступленія.

2) М., 22 л., артиллерійскій офицеръ. Отецъ его страдалъ запоемъ, мать была нервная женщина, братъ больного человѣкъ боленъ и слегка спихондрикъ. Самъ М. былъ человѣкъ очень добрый, прекрасный и всѣмъ любимый товарищъ, образцовый служака, крайне самолюбивый и вспыльчивый. Еще съ дѣтства онъ былъ вспыльчивъ до самоубіенія. Однажды, когда его дразнили товарищи въ артиллерійскомъ училищѣ, онъ одному изъ нихъ едва не разбилъ головы камнемъ. Будучи на службѣ, когда его будилъ товарищъ, онъ бросился на него съ саблей и едва не разсѣкъ ему голову. По выходѣ изъ артиллерійскаго училища, онъ поступилъ въ батарею, гдѣ его очень полюбили и товарищи, и командиръ. Командиръ батареи Д. очень былъ друженъ съ М., всюду хвалилъ его и представлялъ, какъ своего друга. Командиръ Д. познакомилъ М. съ семействомъ В., гдѣ была дѣвушка А. Въ этотъ домъ Д. принять былъ какъ свой человѣкъ. М. также облюбовалъ этотъ домъ, особенно-же дѣвцу А. и скоро на ней женился. Д. былъ у нихъ посаженнымъ отцомъ. Съ этого момента жизнь М. стала несчастною. А. оказалась не непорочною дѣвушкой. При допросѣ мужа, она чистосердечно созналась, что Д., слышій въ городѣ за Донъ-Кихота, сильно за ней ухаживалъ, общался на ней жениться, изнасиловалъ ее и при этомъ заразилъ бленорреей. Послѣ этого онъ однако уѣхалъ въ Москву и тамъ женился на другой. Но, женившись, онъ не оставилъ въ покоѣ А., онъ подставилъ ей женихомъ и мужемъ М., а сама пользовалась ею въ качествѣ любовницы, угрожая ее обезчестить предъ обществомъ и женихомъ. А. должна была все выносить и терпѣть. Даже на вечеринкѣ у М. и въ день бракосочетанія Д. требовалъ отъ А. продолженія любовныхъ отношеній, строжайше запретилъ обоимъ этомъ говорить мужу. Весь этотъ разсказъ убилъ М. Его лучший другъ и такъ подло, такъ безчестно поступилъ съ нимъ. Тѣмъ не менѣе, онъ истойчивой просьбѣ жены, онъ рѣшилъ не подавать на нее, что ему все извѣстно. Вмѣстѣ съ этимъ М. замѣтилъ со стороны Д. крайнюю навязчивость, непростительное нахальство и видимое стремленіе унижить М. и сойтись поближе съ его женою. Поэтому М. рѣшилъ стать съ Д. въ чисто оффиціальныя отношенія. Все это измѣнило отношенія М. и къ товарищамъ и товарищѣ къ нему. Добрый и общительный М. сталъ недружелюбнымъ, сидѣлъ дома, ни у кого не бывалъ и никого

не принималъ. Такое поведение М. объяснялъ тѣмъ, что, по женитьбѣ, товарищи какъ-то избегаютъ его и не хотятъ быть у него въ домѣ; разумеется, это дѣлалось изъ за жены его, такъ какъ прежде его жены имъ было извѣстно. Но была и другая причина домогательства М.,—онъ не довѣрялъ своей женѣ и былъ увѣренъ, что Д. не отказался отъ посягательства на нее. М. сталъ подозрительнымъ и нѣсколько личи слѣдилъ за женою, но поручилъ тоже и деньщику. Такая подозрительность выходила уже изъ возможныхъ границъ: часто М. по ночамъ вставалъ, осматривалъ комнату, искалъ своего врага и нерѣдко „круши разговоривалъ съ женою“, что она куда-то бѣгала отъ него. Иногда ночью выскакивалъ къ деньщику и допрашивалъ его—никто не приходилъ? Никуда не ходила жена? Къ этому присоединились странныя случайности. Сидитъ М. однажды дома на крыльцѣ съ женою. Приходитъ солдатъ. Пошелъ на конюшню. Назадъ къ крыльцу. Опять къ конюшнѣ и при этомъ глядя на его жену, щелкнулъ языкомъ—„не дурна дескать“.—Зачѣмъ пришелъ? „Къ конюху“. Странно. Прежде никогда не бывалъ, а теперь таскается къ конюху. Это не спраста. На другой день пришелъ другой солдатъ.—Тебѣ чего? „Къ вашему деньщику постричься“. Опять. Это навѣрное Д. ихъ подсылаетъ. И такъ всякомъ пустяку М. началъ придавать особенное значеніе. Подозрительность М. отразилась даже на его деньщикѣ, парѣ глупомъ и необыкновенно добродушномъ, который тоже не спалъ и ночами выжидалъ прихода Д. М. сталъ раздражителенъ, возбужденъ и всюду бранилъ Д. Накануну преступления его видалъ докторъ и передаетъ, что М. былъ взволнованъ, суетился, безпорядочно бѣгалъ по комнатѣ и грозилъ Д., такъ что послѣднему нужно было быть на сторожѣ. По службѣ М. сталъ исправенъ и Д. дѣлалъ ему внушенія, между тѣмъ, когда М. просилъ о переводѣ въ другую батарею, то Д. противился этому переводу и хотѣлъ оставить М. въ своей батарее. М. страдалъ бессонницей, ничемъ не былъ и сталъ очень вспыльчивъ. За нѣсколько дней до преступленія М. отлучился на полчаса къ сосѣду. По возвращеніи онъ напелъ женѣ тѣмъ-то взволнованною и смущенною. На вопросы о причинѣ—она ни чего не отвѣчала. Въ день преступленія, послѣ обѣда М. сидѣлъ и блѣдушно готовилъ какао. Въ это время жена позвала его къ себѣ и онъ услышалъ отъ нее слѣдующее: „А знаешь, Саша, въ тотъ день (когда онъ засталъ ее взволнованною) ко мнѣ ворвался Д. и, пользуясь моимъ болѣзненнымъ состояніемъ, изнасиловалъ меня“. Какъ ножомъ къ шкуру М. Моментально онъ схватилъ понавишней въ руки перочинный ножъ и нанесъ три удара черенкомъ его по головѣ жены. За тѣмъ выскочилъ изъ двора и быстро направился на площадь, гдѣ Д. прощиводилъ учение батареѣ. Подбѣжавши къ Д., М. схватилъ сзади Д. лѣвою рукою за плечо, а правую нанесъ ему три удара ножомъ въ затылокъ. Лицо М. было въ это время красное, глаза дикіе и весь видъ крайнѣ возбужденный. При этомъ онъ произнесъ: „Вотъ тебѣ за то, что ты врѣзываешься въ чужой домъ и позоришь чужую честь“. За тѣмъ, обратившись къ офицерамъ, онъ держалъ какую-то безсвязную рѣчь, предметомъ которой была жалоба на Д. Когда одинъ изъ офицеровъ хотѣлъ взять ножъ, то М. ему долго не давалъ, а за тѣмъ отдалъ и отправился домой. Пришедши домой, онъ засталъ жену въ слезахъ и съ компрессами на головѣ. Онъ началъ допрашивать ее, кто ее обидѣлъ и кто смѣлъ побить ее,—и очень былъ пораженъ, когда узналъ, что побилъ ее онъ самъ. Къ вечеру М. былъ на гауптвахтѣ. Здѣсь онъ представлялся апатичнымъ и подавленнымъ. Онъ нисколько не интересовался своей судьбой, ни судьбой Д. Его интересовала болѣзнь жены, у которой вновь (послѣ изнасилованія Д.) появились бѣлы. М. жаловался и

жаловался Д. Черезъ нѣсколько дней это апатичное состояніе перешло въ возбужденіе: у М. явилась крайняя говорливость, суетливость, усиленіе нервныхъ рефлексовъ, галлюцинаціи зрѣнія и слуха, крайняя подозрительность и ревность, бессонница, полная потеря аппетита и страшное возбужденіе противъ оскорбителя. Это состояніе улеглось только послѣ суда надъ М., оправданнаго его преступленіемъ.

3) Ф. Х., тѣлосложенія средняго, устройства правильнаго. Выраженіе лица осмысленное, съ оттѣнкомъ боязливости. Правая сторона лица нѣсколько опущена сравнительно съ лѣвою. Языкъ значительно дрожитъ и уклоняется влѣво. Сердце въ продольномъ направленіи отъ 4-го до 7-го ребра, въ поперечномъ—отъ лѣвой парастернальной линіи заходитъ на лѣвую маммиллярную линію; систолическій тонъ акцентированъ; диастолическій—очень ослабленъ и нечистъ, особенно на аортѣ. Пульсъ скорый, 76 въ минуту. Лимфатическія железы нѣсколько увеличены въ объемѣ. Печень тоже увеличена въ объемѣ. На лѣвой ногѣ, по срединѣ бедра, находится глубокая ранѣца отъ огнестрѣльной раны, полученной 8-мъ въ Крымскую компанію. Другихъ какихъ-либо физическихъ уклоненій не замѣчается. Воспріятіе и усвоеніе внѣшнихъ впечатлѣній правильно; воспроизведеніе прежде бывшихъ ощущеній тоже безъ особенныхъ уклоненій. Составленіе представленій, ассоціація ихъ, количество въ данную единицу времени, ходъ представленій, ясность, точность и отчетливость представленій не представляютъ никакихъ особенностей для человѣка такого общественнаго положенія, какъ Х. Сужденія и заключенія логичны и послѣдовательны. Настроеніе духа ровное, ни особеннаго усилія въ сторону угнетенія, ни въ сторону возвышенности самочувствія. Рѣдко, когда Х. приходилъ къ воспоминанію о преступленіи, онъ задумывался и грустилъ; но эта грусть не имѣла въ себѣ ничего болѣзненнаго. Х. былъ всегда тихъ, покоевъ, крайне услужливъ, вѣжливъ, добръ, въ порученіяхъ послушенъ и исполнителенъ. При этомъ всегда можно было замѣчать какую-то вялость, забитость, боязливость и нерѣшительность. Иногда въ немъ нельзя было замѣтить особенной раздражительности и вспыльчивости, напротивъ, при обидѣхъ со стороны сокамерниковъ—неископатовъ, онъ переносилъ эти обиды безропотно и терпѣливо; особенно страстныхъ вспышекъ за все пребываніе въ больницѣ не было замѣтно. Ф. Х., уроженецъ Харьковской губерніи, крестьянскаго сословія, отставной солдатъ, православный, грамотенъ, по выходѣ въ отставку былъ лѣснымъ сторожемъ, женатъ на третьей женѣ, имѣлъ 4 дѣтей, изъ которыхъ одно умерло, по словамъ Х., отъ спинной сухотки, а остальные здоровы. Первый разъ, это было въ 1873 г., Х. везъ мѣстнаго священника въ другую деревню, вдругъ у него безъ всякаго повода отнялся языкъ и онъ около получаса не могъ ничего говорить. Другой разъ подобное же явленіе съ Х. было въ 1875 г. въ декабрѣ мѣсяцѣ, при родномъ братѣ Х. Кроме того, Х. нерѣдко страдалъ головными болями, головокруженіемъ и частыми кровотеченіями изъ носа. Поводомъ къ подсудности Х. было убійство, совершенное Х. 6 января 1877 года. Дѣло было такъ: на Крещеніе Х. былъ съ своею женою въ гостяхъ. Тамъ онъ встрѣтилъ своего товарища по стражѣ. Было нѣсколько выпито. Х. выпилъ мало, такъ какъ онъ вообще не любилъ пить. Товарищъ Х. просилъ подсудимаго, по дорогѣ домой, отсюда захватить къ нему въ гости. Х. согласился. Товарищъ поѣхалъ домой прежде, а Х., дожидаясь немного, тоже поѣхалъ къ нему съ женою. Приѣхавши туда, Х. засталъ у товарища двухъ гостей, съ которыми онъ хотя не былъ знакомъ, но хорошо зналъ ихъ. Одинъ изъ нихъ, С., хорошо былъ извѣстенъ подсудимому и при томъ съ дурной стороны,—Х. былъ по занятіямъ лѣсной сторожъ, С. былъ лѣсной воръ. Отношенія Х. къ С. не могли быть хорошими уже поэтому одному,—не

могли быть хорошими и по личным качествам того и другого лица. На основании свидетельских показаний, судебный следователь характеризует С. так: «это был человек отпугнутый, готовый на все, почему Х. самъ и другіе лѣнники боялись съ нимъ встрѣчаться наединѣ, когда он совершал кражу лѣса». На основании тѣхъ же показаний, судебный следователь характеризует Х. так: «онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ хорошимъ, добрымъ и услужливымъ человекомъ». Уже одна эта оффиціальная характеристика двухъ людей указываетъ на громадную нравственную бездну, отдѣляющую этихъ людей. С. не любилъ Х., какъ честнаго лѣсника, строго исполняющаго свою обязанность и не входящаго съ нимъ ни въ какую сдѣлку. Х. не любилъ С., какъ лѣсного вора, дѣлавшаго ему неоднократно массу неприятностей. Естественно, что такая встрѣча не могла быть пріятною ни тому ни другому. Тѣмъ болѣе она не могла быть пріятною, что оба были выпивши. Уже по однимъ этимъ условіямъ отъ такой встрѣчи нельзя было ожидать ничего хорошаго. С. началъ приставать къ Х., смѣялся надъ нимъ, острлилъ и обзывалъ его крупною и «магалинною крысою»¹⁾. Х. сначала отмалчивался, затѣмъ, когда С. все болѣе и болѣе приставалъ, обругалъ его. По прѣздѣ сюда хозяинъ дома угощалъ гостей водкою. Затѣмъ началъ угощать водкою С.,—но, какъ отъ хозяина, такъ и отъ С., Х. не захотѣлъ пить. Послѣ ругани Х., С. не переставалъ приставать къ Х. Онъ сѣлъ къ его женѣ и между прочимъ, сказалъ Х.: «ты, крыса, убирайся себѣ на дворъ, а я лягу съ твоею женою спать». Х. отвѣчалъ: «можешь, я въ своей женѣ не нуждаюсь». Всѣ гости были на веселѣ и начали танцовать. Танцовалъ и С.—Х. сидѣлъ въ сторонѣ и смотрѣлъ. О дальнѣйшемъ мы передаемъ словами Х.: «С. танцъ, нагнулся и взялъ изъ подъ лавки топоръ. Съ топоромъ онъ подскочилъ ко мнѣ и, со словами, «я тебя зарѣжу», приставилъ мнѣ къ шее топоръ. Все, что было до сихъ поръ, я отлично помню. Но что было затѣмъ, какъ я выхватилъ у него топоръ, какъ я разрубилъ С. голову, куда я дѣлъ топоръ,—я рѣшительно не знаю». Изъ окружающихъ этого именно момента никто не видѣлъ. Увидѣли только тогда, когда С., съ разрубленнымъ черепомъ, повалился на землю. Убивши С., Х. тихо и спокойно отдалъ топоръ и былъ самъ какъ бы не свой. Спустя нѣкоторое время, онъ вышелъ въ сѣни, вызвалъ туда хозяина и приглашалъ его убить и товарища С. Послѣ того Х. былъ очень печаленъ, задумчивъ и грустенъ²⁾.

4) Въ юлѣ 1880 г. въ Харьковскомъ военномъ окружномъ судѣ судился казенный деньщикъ Ф. Б. за убійство инженеръ-поручика Д., у котораго первый находился въ услуженіи. Б., уроженецъ западныхъ губерній, крестьянскаго сословія, около 25 лѣтъ, грамотенъ; наслѣдственности, семейнаго расположенія къ психозамъ, неврозамъ, пьянству и преступленіямъ не обнаруживается. По поступленіи въ военную службу онъ по своему желанію, былъ деньщикомъ. Насколько онъ заслужилъ расположенія господъ, видно изъ того, что, находясь въ услуженіи у начальника штаба 3-й гвардейской дивизіи, онъ получилъ, по завѣщанію отъ его матери, значительную денежную награду. Находясь на службѣ, онъ часто пивалъ, но водка мало на него дѣйствовала. Будучи въ Карѣ, онъ перенесъ сильный тифъ, этотъ тифъ и подорвалъ его здоровье. Съ этихъ

¹⁾ Самое обидное названіе на югѣ Россіи для солдатъ, особенно гарнизонныхъ.

²⁾ По частностямъ дѣла на этотъ случай походить случай, описанный д-ромъ *Ширинтомъ* въ Сборникѣ судеб. медиц. и пр. 1873 г. Т. 3-й. «О крестьянинѣ Д въ зарѣзавшемъ незнакомаго ему человека».

поръ онъ не могъ пить безнаказанно. Выпивши, онъ хмѣлѣлъ и не помнилъ того, что съ нимъ въ это время дѣлалось. Кромѣ того, послѣ тѣхъ онъ имѣлъ нѣкоторую шаткость и нетвердость въ походкѣ. Что Б. действительно выпивалъ, доказывается тѣмъ, что, находясь въ услуженіи у Д., онъ два раза былъ на гауптвахтѣ за пьянство. Изъ обстоятельствъ дѣла видно, что предъ совершеніемъ преступленія Б. находился пять дней на гауптвахтѣ. 28 марта 1880 г. утромъ, часовъ около девяти Б. возвратился изъ гауптвахты, при чемъ предварительно заходилъ въ шинокъ и тамъ выпилъ. Спустя нѣкоторое время Б. выпилъ еще бутылку водки и другимъ человекомъ и наконецъ, часамъ къ тремъ, вышелъ въ третій этажъ. Нужно добавить, что возвратившись съ гауптвахты, Б. засталъ новую кухарку. Съ этой то кухаркой, послѣ третьей выпивки, онъ держалъ такой разговоръ: «Напрасно ты сюда поступаешь.—Почему? Да потому, что ты не будешь здѣсь жить».—Отчего?—Оттого, что здѣсь не работаютъ кухарки, всѣ пропадаютъ съ голоду и чрезъ это не хотятъ жить».—А ты же какъ живешь?—Что я. Я—солдатъ, хотя меня и морятъ и голодомъ и холодомъ, но мнѣ некуда дѣться, а ужъ кухарка не станеть сама себя морить голодомъ. Потомъ Б., помолчавъ, говоритъ: «Тутъ такъ мнѣ было, что дня по три сухаря не было на кухнѣ, баринъ заставляетъ за меня муку и крупу, а я не вижу никогда ни кашни, ни хлѣба, а спекуть хлѣбъ, такъ и прячутъ въ комнаты, а мнѣ не даютъ»¹⁾. Онъ опять задумался. Входитъ Д.—Б. сидитъ и не снимаетъ фуражки. Офицеръ обращается къ нему. «Что ты, Федотъ, сидишь, по воду неидеешь? На что тебѣ вода? Воды нѣтъ?»—Воды на дворѣ много, если хочешь, тои испукаю. «Ахъ ты свинья, зачѣмъ ты шапки не снимаешь?—Не перестану снимать, а передъ тобою не намеренъ. Тогда офицеръ схватилъ Б. за волосы, а послѣдній вѣднелся въ офицера, и пошла свалка. Видимо Б. одолѣлъ офицера. Вытащилъ его въ сѣни, схватилъ валецъ и сталъ бить Б. маленькомъ по головѣ. Спустя нѣкоторое время ручка вальца отпала. Тогда онъ схватилъ заступъ и сталъ рубить свою жертву заступомъ. Ужасное звѣрство обнаружилось въ поступкахъ Б. Офицеръ уже не сопротивлялся. Не смотря на крики кухарки «караулъ», не смотря на приходъ другихъ постороннихъ лицъ, Б. продолжалъ свое звѣрское дѣланіе и побои. Сначала офицеръ кричалъ «караулъ», потомъ замолчалъ. Жертва давно была мертва. Онъ сидѣлъ не ней и продолжалъ ее бить. Такое звѣрство длилось около 1/4 часа. Б. былъ отнятъ отъ жертвы. Въ это время у него было лицо красное, глаза сверкали. Навѣрное были ужасны его побои, видно изъ слѣдующаго мѣста протокола вскрытія трупа. При медицинскомъ осмотрѣ трупа Д., на его лицѣ и рукахъ оказались многочисленные слѣды побоевъ, а лѣвая ушная раковина была разрублена на три части, при чемъ раны эти, проникая кожу и заходя въ кости черепа, коснулись и мозгового вещества, производя въ немъ разрывъ и другія болѣзненные измѣненія. Самъ подеудимый обо всемъ опять передаетъ такъ: послѣ выпивки и разговора съ кухаркою, онъ началъ дремать. Когда онъ уже задремнулъ, вошелъ офицеръ Д., съ которымъ и произошелъ вышеописанный разговоръ. Б. былъ въ состояніи опьяненія, но все еще помнить, но когда Д. бросился на него и схватилъ его за волосы, онъ лишился сознанія и о дальнѣйшемъ уже ничего не помнитъ. Когда на звѣрскую сцену пришелъ полицейскій и народъ и принудилъ на Б., онъ еще таки разъ ударилъ и затѣмъ далъ себя аре-

¹⁾ Предъ этимъ Б. былъ деньщикомъ у генерала, у котораго рабавется жизнь была не та, что у бѣднаго, обремененнаго громаднымъ семействомъ, офицера Д.

етовать. Уходя, онъ произнесъ: „давно я дожидался случая, чтобы тебѣ уходить... У него шесть жило и всѣ до него добирались, а я таки седьмой добрался. Интересный случай патологическаго аффекта съ эпилепсией описать мною въ судебно-психіатрическихъ анализахъ.“

Случаи патологическихъ аффектовъ описаны кроме того и другими лицами, какъ: А. А. Петровымъ ¹⁾, проф. И. Р. Пастернацкимъ ²⁾, И. А. Сикорскимъ ³⁾ и В. С. Грейденбергомъ ⁴⁾.

Къ болѣзненнымъ проявленіямъ въ области само чувствія относится также чувство *страха*. Чувство страха проявляется у всѣхъ людей, но у душевно-здоровыхъ людей чувство страха всегда имѣетъ свои причины и степень и продолжительность его всегда стоятъ въ прямомъ отношеніи съ вызвавшей его причиною. Страхъ у нервно- и душевно-больныхъ людей иногда появляется приступами при поводахъ, въ здоровой жизни чловѣка, никогда ихъ не вызывающихъ. Такъ, у такихъ людей появляются иногда приступы необыкновеннаго страха и тоски при появленіи ихъ на открытой площади, при видѣ воды, въ большомъ обществѣ, въ одиночествѣ и т. п. Такимъ образомъ въ этихъ проявленіяхъ страха первую ненормальностью служить уже то, что эти приступы появляются отъ такихъ причинъ, какія у здоровыхъ людей страха не вызываютъ. Далѣе, страхъ этотъ достигаетъ чрезмѣрнаго напряженія и длится все время, пока больной находится въ соприкосновеніи съ вызвавшей его причиною. Такіе приступы страха обыкновенно появляются у наслѣдственныхъ нейропатовъ и носятъ названіе патолобій.

Кромѣ этихъ періодическихъ приступовъ страха у нѣкоторыхъ душевно-больныхъ страхъ длится довольно долгое время, какъ одно изъ проявленій самой болѣзни; таковъ страхъ у меланхоликовъ, при *delirium tremens*, гидрофобіи и проч. Въ этихъ случаяхъ страхъ стоитъ въ тѣсной связи съ содержаніемъ галлюцинацій и бреда.

¹⁾ А. А. Петровъ, Аффектъ и преступленія, Архивъ психіатріи 1894.

²⁾ Проф. И. Р. Пастернацкій, Судебно-психіатрическій случай патологическаго аффекта, Архивъ психіатріи, т. VI, к. 2, стр. 1.

³⁾ И. А. Сикорскій, О душевномъ состояніи при аффектѣ, Сборникъ сочиненій по судебной медицинѣ и проч., 1876, т. I.

⁴⁾ В. С. Грейденбергъ, Вѣстникъ клинич. и душ. психіатріи, 1889, II.

Уклоненія влеченій къ пище проявляются въ видѣ уклоненія этого влеченія и ослабленія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ появляется влеченіе къ пищевымъ веществамъ неудобосъѣдаемымъ и даже отвратительнымъ; такъ, иные нуждаются мѣлъ, грифель, паукъ, червей и проч.; другие, напротивъ, обладаютъ особенной неспособностью принимать нѣкоторыя обычные пищевыя вещества безъ того, чтобы за это не поплатиться (идіосинкразія)—такъ напр. нѣкоторые не переносятъ раковъ, малины и проч.

Болѣе причудливы *уклоненія полового чувства*. Эти уклоненія могутъ касаться чувствованій, влеченій и представлений. Бываютъ случаи, когда половыя чувствованія совершенно отсутствуютъ, какъ напр. у нѣкоторыхъ истеричныхъ, идиотовъ, меланхоликовъ и проч.; но бываютъ случаи и чрезмѣрнаго усиленія этихъ чувствованій, какъ при маніи, прогрессивномъ параличѣ и проч.

Точно также и половыя влеченія могутъ быть усиленными и ослабленными. Часто какъ усиленіе, такъ и ослабленіе половыхъ влеченій и побужденій стоитъ въ прямомъ отношеніи съ состояніемъ полового чувствованія; но бываютъ случаи, когда половыя влеченія сопровождаются полнымъ отсутствіемъ полового чувствованія и даже полнымъ отвращеніемъ къ половому акту. Такое явленіе наблюдается у истеричныхъ, параноиковъ и другихъ дегенератовъ.

У нѣкоторыхъ лицъ существуетъ извращеніе полового влеченія, такъ напр. является стремленіе къ удовлетворенію противоестественнымъ способомъ, къ удовлетворенію съ животными, лицами одного и того же пола и проч. Эти половыя извращенія особенно часты у дегенератовъ.

Наконецъ, бываютъ случаи, когда дѣло не ограничивается половыми отправлениями, а являются симпатіи и влеченія къ лицамъ одного и того же пола вообще. При этомъ мужчина питаетъ особенную любовь къ мужчинамъ же, а женщины—къ женщинамъ. Такое извращеніе личности всегда является у дегенератовъ и приписывается людямъ отъ рождения.

Импульсивныя явленія. Къ этому отдѣлу относятся такіе проявленія душевной жизни чловѣка, которыя происходятъ у него противъ его желанія и воли. Это нечто подобное насильственнымъ представленіямъ и ощущеніямъ. Сюда относятся неуправляемые и непреодолимые влеченія и побужденія къ пьянству, воровству, под-

жогу, убійству и проч. Всѣ эти явленія всегда наблюдаются у дегенератовъ и служатъ только однимъ изъ многочисленныхъ симптомовъ другихъ проявленій вырожденія, какъ: *moral insanity*, эпилепсиі, алкоголизма и проч.—и только весьма рѣдко они являются болѣе или менѣе одиноко и въ чистомъ видѣ. Но и въ этихъ случаяхъ у такихъ людей всегда присутствуютъ и другія проявленія вырожденія то физическія, то душевныя.

Всѣ наши поступки и дѣянія совершаются подъ вліяніемъ двухъ факторовъ: побужденій и влеченій с одной стороны и выводовъ разсудка—съ другой стороны. Равнодѣйствующая этихъ двухъ силъ и представляетъ собою волю. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ жизни каждаго изъ насъ преобладаютъ выводы разсудка надъ нашими страстями и только въ рѣдкихъ случаяхъ страсти одерживаютъ верхъ надъ разсудкомъ. Но есть люди, у которыхъ страстная сторона царитъ надъ разсудкомъ. Эти люди уже по своей природѣ люди не уравновѣшенные. Въ основѣ ихъ дѣяній чаще лежатъ страстные мотивы, нежели выводы разсудка. Въ этихъ случаяхъ должно допустить одно изъ двухъ: или ихъ страсти развиты слишкомъ сильно, или ихъ разсудокъ дѣйствуетъ слабо. Чаще случается, что при этомъ происходитъ сочетаніе и того и другого. Такихъ людей д-ръ Колесниковъ¹⁾ характеризуетъ такъ: „характеръ этой категоріи людей неправильный, неподдающийся опредѣленію, печальный или веселый безъ причины; къ окружающимъ они имѣютъ или преувеличенное влеченіе, или антипатію, которая ничѣмъ не объяснима; по своей природѣ они существа чувствительныя и впечатлительныя; реагируютъ на всѣ вліянія преувеличено и непредвидѣнно. Пустякъ ихъ раздражаетъ, пустякъ и успокаиваетъ. Изъ за одного слова нѣжность смѣняется ненавистью и подвижность ихъ чувствъ дѣлаетъ ихъ обществомъ чрезвычайно тяжелымъ; они всегда безпокойны, парадоксальны. Ихъ умственные способности различной обширности, но всѣ они обладаютъ сужденіями ложными. Всѣ они подвержены инстинктивнымъ импульсамъ, которые періодически наступаютъ болѣе или менѣе скоро, появляясь въ различныя эпохи, или слѣдуютъ въ болѣе отдаленныя. Эти то инстинкты заставля-

ютъ больного приводить въ исполненіе дѣйствія дѣтскія, эксцентричныя, то злыя и преступныя. Въ моментъ наступленія импульса больной находится во власти предсердечной тоски и чувства томленія чрезвычайно тягостнаго; онъ испытываетъ интенсивную боль“.

Въ однихъ случаяхъ эти импульсы развиваются внезапно и неожиданно для самого больного, при чемъ такіе люди являются немедленно орудіемъ исполненія. Участвія разсудка и воли въ этихъ случаяхъ не бываетъ. Больные являются автоматами и исполняютъ дѣянія безъ разсужденія. Такъ, Mark приводитъ такой случай: одна дама занималась шитьемъ. Вдругъ она быстро встаетъ и заявляетъ: „я должна утопиться“. Сказано, сдѣлано. Она выбѣгаетъ изъ дому и бросается въ сосѣдній каналъ, откуда ее и вытаскиваютъ еле живую. Оказывается, что у нея не было ровно никакой причины покушаться на свою жизнь и она не знаетъ, какъ ей могла прийти въ голову такая дикая мысль.

Въ другихъ случаяхъ эти импульсы раньше многократно приходятъ на умъ больному, но послѣднимъ съ ужасомъ и негодованіемъ отбрасываются. Больной обсуждаетъ данное дѣяніе, оцѣниваетъ его значеніе, сознаетъ всю преступность и безнравственность его и тѣмъ не менѣе въ концѣ концовъ не можетъ продолжать его. Иногда, сознавая свою способность и свое безсиліе противиться пагубному влеченію, больной проситъ другихъ оградить его и удержать отъ несчастья. Calmeil¹⁾ приводитъ слѣдующій случай.

„Гленадель, потерявъ въ дѣтствѣ отца, былъ воспитанъ обожающей его матерью. Когда ему исполнилось шестнадцать лѣтъ, его тихій и уступчивый характеръ вдругъ перемѣнился: онъ сдѣлался мраченъ и молчаливъ. Подъ давленіемъ разспросовъ со стороны матери, онъ наконецъ рѣшился сознаться: „я вамъ обязанъ всѣмъ, сказалъ онъ ей,—и васъ люблю отъ всей души, а между тѣмъ уже въ теченіе нѣсколькихъ дней одна неотступная мысль понуждаетъ меня убить васъ. Помните, чтобы я не былъ, наконецъ, побужденъ этой мыслью и чтобы это страшное несчастье не совершилось; позвольте мнѣ записаться въ солдаты“. Не смотря на настойчивыя просьбы, онъ былъ непоколебимъ въ своемъ рѣшеніи, ушелъ и сдѣлался прекраснымъ солдатомъ. Однако, какая то скрытая воля постоянно подталкивала его дезертировать, вернуться на родину и убить свою мать. Къ концу срока службы эта мысль была также жива, какъ въ началѣ. Онъ записался на второй срокъ. Инстинктъ убійства не исчезалъ, но выборъ его палъ на другую жертву. Онъ не думалъ больше объ убійствѣ матери: ужасное влеченіе и днемъ и ночью рисовало передъ нимъ образъ его невѣстки.

¹⁾ М. О. Колесниковъ. Импульсивное помѣшательство, Архивъ психіатріи, 1891, 5 и 6.

¹⁾ Calmeil, Traité des maladies inflammatoires du cerveau.

Чтобы противостоять и этому второму влечению, он осудил себя в вечное изгнание". Между тем, в тот же полк поступил один его земляк; Глендель рассказал ему о своих мучениях.—"Успокойся, отвечал ему тот:—преступление болѣе невозможно: твоя невѣстка умерла". Глендель вскочил как освобожденный узник,—имъ овладелъ восторгъ; онъ уѣхал на родину, гдѣ не былъ съ дѣтства. Подѣзжая къ своему дому, онъ вдругъ встрѣтилъ свою невѣстку: онъ вскрикнулъ и ужасное влеченіе моментально овладѣло имъ вновь". В тотъ же вечеръ онъ просилъ своего брата связать его.—"Возьми крѣпкую веревку, привяжи меня какъ волка въ сараѣ и сходи уведомить объ этомъ г-на Кальмейла". Последний помѣстилъ его въ заведение для помѣшанныхъ. На канунъ своего поступления туда, онъ написалъ письмо къ директору заведения: "Я вступаю въ ваше заведеніе; я буду вести себя здѣсь такъ, какъ велъ себя въ полку. Меня сочтутъ здоровымъ; по временамъ, вѣроятно, я буду притворяться таковымъ. Не вѣрьте мнѣ никогда, я ни когда какимъ предлогомъ не долженъ болѣе выходить изъ вашего заведения. Когда я буду требовать освобожденія, удвойте бдительность; я своей свободой могу воспользоваться только для совершения одного преступленія, отъ котораго я прихожу въ ужасъ". Наконецъ, въ 3-хъ, бывають случаи, когда сознание не возмущается противъ болѣзненнаго импульса, онъ принимается разума и тогда вся дѣятельность послѣдняго сосредоточивается на одной цѣли — привести фактъ въ исполненіе; больной тогда приготовляетъ все орудія преступленія и обнаруживаетъ въ этихъ приготовленіяхъ предусмотрительность и невѣроятное коварство. Когда больной, мучимый физическою болью и предсердечной тоской, побужденный болѣзненнымъ импульсомъ совершить дѣйствіе, преступленіе, то почти тотчасъ наступаетъ безконечное благосостояніе; хотя онъ и имѣлъ сознание важности своего преступленія, однако онъ не испытываетъ страха могущихъ быть послѣдствій; онъ знаетъ, что онъ дѣйствовалъ противъ своей воли, знаетъ, что онъ не отвѣтственъ за это, которое только что сдѣлалъ—онъ, такъ сказать, вполнѣ себя извиняетъ. Безъ всякаго сопротивленія отдается въ руки властей и когда его допрашиваютъ о причинѣ преступленія, отвѣчаетъ: "не знаю, что то меня толкнуло". Онъ не ищетъ другихъ извиненій и не прибѣгаетъ къ мѣрамъ и оправданіямъ своего поступка. (М. Э. Кесениковъ).

Mandsly ¹⁾ передаетъ слѣдующій случай. Писецъ въ конторѣ адвоката въ Альтонѣ разъ послѣ обѣда въ ясную погоду, отправился гулять за городъ и встрѣтилъ нѣсколько дѣтей, игравшихъ близъ дороги. Подойдя къ нимъ, онъ уговорилъ маленькую дѣвочку, 8 или 9 лѣтъ, идти вмѣстѣ съ нимъ въ соседній садъ и отдался отъ другихъ дѣтей, давъ имъ нѣсколько грошей. Нѣкоторое время спустя его встрѣтили идущимъ спокойно домой; онъ вымылъ руки въ рѣкѣ по дорогѣ и вернулся къ своей работѣ въ конторѣ. Такъ какъ дѣвочка не возвращалась, то обыскали садъ и нашли въ немъ разбросанные куски ея тѣла,—нога валялась въ одномъ мѣстѣ, рука въ другомъ и т. д. Подозрѣніе пало прямо на преступника, который былъ немедленно арестованъ. Въ его столѣ нашли дневникъ, а въ дневникѣ слѣдующія строки: "Убилъ маленькую дѣвочку. Тепло и ясно". Marc ²⁾ передаетъ слѣдующій случай, происшедшій въ домѣ Гумбольта. Горничная, всегда исправная

и любимая хозяевами, бросившись на колѣни передъ хозяйкой, умоляла не дать расчесть. Спрошенная о причинѣ этого, она отвѣчала: всякій разъ, когда она раздѣвала ребенка, и видѣла его блѣое тѣло, она чувствовала неодолимое влеченіе зарѣзать его. Она боялась, что когда нибудь не совладаетъ съ собой и умоляла, чтобы ее отпустили.

Mac Donald ⁴⁾ передаетъ слѣдующій случай. К. 14 съ половною лѣтъ убилъ маленькаго мальчика съ чрезвычайной жестокостью. Преступленіе жестокостямъ онъ началъ съ 12 л., при чемъ первыя проявленія влеченія начались съ 4 лѣтъ. Въ разное время К. заманивалъ маленькихъ мальчиковъ по одиночкѣ въ пустынные мѣста и подвергалъ ихъ продолжительнымъ, систематическимъ и разнообразно-жестокимъ мученіямъ, при чемъ не проявлялъ никакой раздражительности, а, напротивъ, выполнялъ все методически и иногда даже смѣялся во время своихъ манипуляцій. Онъ раздѣвалъ дѣтей до нѣга, связывалъ ихъ, зажималъ имъ ротъ, жестоко сѣкъ веревкой или ремнемъ, кусалъ и билъ ихъ кулаками, дѣлалъ разрѣзы на тѣлѣ и наносилъ раны ножомъ, ставилъ при этомъ ввести ножъ возможно по глубже. Послѣ изнѣжанія одного мальчика, К. на время приостановился, но за тѣмъ, безъ всякаго, по видимому, мотива совершилъ уже убійство одной маленькой дѣвочки, которой онъ перерѣзалъ горло, отрѣзалъ голову и нанесъ нѣсколько ранъ въ бедро, животъ и пахъ. Черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ того К. совершилъ второе убійство. Онъ перерѣзалъ горло другому мальчику, нанесъ множество ранъ и, по видимому, пытался вырѣзать половые органы, при чемъ отчасти изуродовалъ ихъ. На вопросъ о мотивѣ преступленія, К. отвѣтилъ, что мотивы ему самому небыли ясны и что нѣчто, казалось, толкаетъ его.

Весьма интересенъ также случай Lasegue'a. Нѣкто Thouviot, сынъ пятнадцатилѣтней дѣвушки, отличавшейся распутнымъ нравомъ, и отца еврея,—родился въ тюрьмѣ Saint-Lazare. Въ возрастѣ половова созрѣванія онъ впервые почувствовалъ сильное влеченіе убить, жившую у одного съ нимъ хозяйина, няньку, противъ которой онъ не имѣлъ никакого неудовольствія. Нѣсколько разъ онъ заманивалъ ее въ погребъ, но привести въ исполненіе своего намѣренія не рѣшался. Между тѣмъ влеченіе было неотступно и сильно, такъ что у него мутилась голова. Поэтому Г. отказался отъ даннаго мѣста и перешолъ на другое. Вмѣстѣ съ этимъ у него явилось новое побужденіе—убить свою мать и это желаніе у него длилось долгое время. Во время коммуны онъ принималъ участіе, а за тѣмъ поступилъ жуавомъ въ Африку. 23 л. возвратившись въ Парижъ, онъ совершилъ убійство. Ночь передъ убійствомъ онъ провелъ съ женщиной, которую ему хотѣлось убить заранѣе приготовленнымъ ножомъ и если онъ не исполнилъ своего желанія, то только изъ боязни, чтобы его не обвинили въ намѣреніи обокрасть свою жертву. Утромъ послѣ того онъ зашелъ въ незнакомый ему ресторанъ, спросилъ завтракъ и во время его написалъ слѣдующее: "Все спрашиваю, почему я убилъ? Просто для того, чтобы выйти изъ положенія, въ которомъ нахожусь. Я пробовалъ работать и хорошо вести себя; вѣроятно, я хотѣлъ быть счастливымъ, но въ моей судьбѣ написано, что я долженъ пойти въ каторгу, или на эшафотъ. Въ этотъ моментъ я завтракалъ и спрашивалъ себя, которую изъ двухъ женщинъ въ заведеніи я хочу убить. Послѣ нанесеннаго удара, я пропущу у моихъ судей только одного—немедленно же отрубить мнѣ голову". Окончивъ свой завтракъ, Thouviot, проходя мимо дѣвушки, положилъ ей лѣвую руку

¹⁾ Mandsly. Отвѣтственность при душевныхъ болѣзняхъ, 1875, ст. 209.

²⁾ Marc. De la folie, vol. II, p. 102.

⁴⁾ Mac Donald, Criminologie, 1893.

на правое плечо, а правой рукой нанесъ ей въ грудь ударъ заранѣе приготовленнымъ ножомъ”...

Душевные расстройства, съ болѣзненными проявленіями въ области импульсовъ, были извѣстны уже давно и особенно тщательно были разработаны Esquirol'емъ подъ именемъ мономаній. Мономанія, по Esquirol'ю, представляла душевное расстройство, при которомъ душевныя способности заболѣваютъ только въ одномъ какомъ либо направленіи. Въ зависимости отъ проявленія уклоненій въ области разсудка, или воли, Esquirol' отличалъ интеллектуальныя мономаніи отъ инстинктивныхъ; послѣднія составляли мономаніи въ собственномъ смыслѣ и къ нимъ принадлежали мономаніи убійства, самоубійства, поджигательства, воровства и проч. Слишкомъ узкій взглядъ Esquirol'я вызвалъ много недоразумѣній и потому былъ своевременно отвергнутъ въ чистомъ видѣ. Но изъ этого ученія возросли новые вопросы и дали основу ученію о насильственныхъ представленіяхъ, параноѣ, импульсивномъ помѣшательствѣ и т. д. Относительно послѣднихъ, т. е. импульсивныхъ проявленій, ученіе въ настоящее время находится въ младенческомъ состояніи, хотя практика жизни часто требуетъ выясненія ея требованій.

Импульсивныя явленія могутъ развиваться при другихъ душевныхъ расстройствахъ, какъ: при эпилепсіи, параноѣ, алкоголизмѣ, *moral insanity*,—такъ и самостоятельно, идиопатически.

Въ практическомъ отношеніи представляютъ особенную важность импульсивныя побужденія къ запою, воровству, поджигательству, убійству и самоубійству. Болѣе другихъ разработано ученіе объ импульсивномъ влеченіи къ пьянству или запоѣ (*dypsomania*).

Болѣзненное стремленіе къ воровству.—Kleptomania. Состояніе это, какъ болѣзненное проявленіе, извѣстно было уже давно. Давно также установленъ и тотъ фактъ, что клептоманія можетъ появляться, какъ частичное проявленіе какого либо психоза и самостоятельно. Изъ другихъ душевныхъ заболѣваній клептоманія встрѣчается у паралитиковъ (Sander, Duchek, Hofmann, Bergmann, Lelut, Baillarger, Sauze, Morel, Calmeil, Parchapp и др.), у эпилептиковъ (Schupmann, Lelut, Dagonet, Mauthner, Devergie, Liemann, Bacon), при періодической маніи (Damerow, Guislain, Girard, Rousselin, Boys и др.).

Самостоятельно можетъ проявляться клептоманія какъ выраженіе непреодолимаго стремленія къ воровству и только лишь для исполненія самого процесса воровства. Часто украденную вещь такія лица бросаютъ, уничтожаютъ, зарываютъ, возвращаютъ и т. д., но самый актъ воровства совершается неудержимо и подъ вліяніемъ непреодолимаго стремленія къ присвоенію данной вещи. Очень часто такія лица, совершивши кражу, испытываютъ душевное облегченіе и нравственное успокоеніе, и патѣмъ терзаются угрызеньемъ совѣсти и предаются мученіямъ. Такіе импульсы воровства наблюдаются у беременныхъ, при нарушеніяхъ менструальнаго періода и проч.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ эти больные совершаютъ воровство при полномъ сознаніи себя и окружающей, понимая значеніе дѣянія и грозящихъ наказаній и отвѣтственности и знанія своей болѣзни и тѣмъ не менѣе все таки совершали.

Но бываютъ случаи, когда покражи совершаются въ цѣлю удовлетворенія прихоти и каприза, при чемъ такія лица не испытываютъ ни угрызения совѣсти, ни раскаянія. Въ такихъ случаяхъ кража является не цѣлю импульса, а только средствомъ для выполненія какого либо другого импульса; такія явленія наблюдаются у нравственно-помѣшанныхъ (В. О. Чижъ), истеричныхъ, алкоголиковъ и проч.

Иногда приступу клептоманіи предшествуютъ предвѣстники. Эти предвѣстники, по Boissier и Lachaux ¹⁾, выражаются: болью въ области желудка, выступленіемъ холоднаго пота на лбу и сильнѣйшей тоской. Эти же авторы приводятъ слѣдующій случай.

Женщина 54 л. изъ состоятельной семьи, имѣла отца пьяницу, мать—истеро-эпилептику, умершую отъ апоплексіи, дадо по отцу—душевно-больного, дочь—агорафобичку и сына—меланхолика. Сама она отличалась непостоянствомъ, суевѣріемъ, фантазіей и особенною непреодолимою страстью къ лентамъ. Первую кражу она совершила въ больномъ магазинѣ, куда она пришла за покупками. При видѣ шелка и ленты у нея явилось непреодолимое желаніе похитить ихъ. Попытка удержаться и уйти—вызываетъ страшную тоску, боли въ области желудка, жаръ и холодъ въ тѣлѣ. Больная схватываетъ желаемое, хотѣла уйти, но ее ловятъ. За первую двѣ кражи она понесла наказаніе, а послѣ третьей попала въ сумашедшій домъ.

Страсть къ воровству, видимо, можетъ передаваться

¹⁾ Boissier и Lachaux, Contribution à l'étude clinique de la kleptomanie, Annal-medico-psycholog., 1894, 1.

и наследственно, на что указывает случай Bucknill—Tuke'a ¹⁾). Нѣкто Н. отличался непреодолимымъ стремленіемъ къ воровству, такъ что онъ не могъ пройти мимо вещи, чтобы не похитить ее. Это всѣ за нимъ знали и онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ вора. Одинъ изъ его сыновей, зажиточный торговецъ, страдалъ такою же страстью, часто судился, лишился добраго имени и кредита и молодымъ умеръ въ исправительномъ учрежденіи. Сынъ этого господина, внукъ „вора“, началъ воровать съ ранняго дѣтства, такъ что уже съ 14 лѣтъ его вынуждены были заключить въ рабочій домъ.

Симуляція клептоманіи — дѣло весьма соблазнительное и потому неудивительно, что оно практиковалось. Но тѣмъ не менѣе, едва ли существуетъ особое затрудненіе для обнаруженія симуляціи клептоманіи. Для этого требуется только тщательное наблюденіе и клиническое изученіе лица и за тѣмъ анализъ самого совершенія преступленія и дѣло почти всегда будетъ представлено въ надлежащемъ видѣ.

Страсть къ поджигательству—пироманія. Camuset ²⁾ дѣлитъ всѣхъ пиромановъ на три категоріи. Къ первой категоріи относятся люди, производящіе поджогъ подъ вліяніемъ безумныхъ идей и галлюцинацій и въ состояніи душевныхъ разстройствъ, самыхъ разнообразныхъ формъ,—ко второй категоріи относятся дегенераты, у которыхъ нѣтъ ни безумныхъ идей, ни импульсивныхъ побужденій, ни галлюцинацій, а только лишь задержка развитія умственныхъ центровъ отъ простой неустойчивости до идиотіи, и къ третьей категоріи относятся дегенераты съ импульсивнымъ непреодолимымъ влеченіемъ къ поджогу. По Derode, ³⁾ изъ психозовъ чаще другихъ сопровождаются поджогами алкоголизмъ и эпилепсія. Ко второй категоріи Camuset относятся преимущественно дѣти, люди легкомысленные, дегенераты и проч., которые подъ вліяніемъ раздражительности, недовольства и запальчивости легко могутъ поддаваться дѣйствию минуты и совершать поджогъ. Что касается пиромановъ въ собственномъ смыслѣ слова, то почти всегда это—дегенераты, у которыхъ данный импульсъ особенно рѣзко проявляется въ періоды физиологическихъ эволюцій: мен-

струальномъ, половой зрѣлости, беременности и климактерическаго возраста. Часто приступы страсти къ поджогу сочетаются съ приступами тоски и галлюцинацій. Иногда такіе импульсы страсти къ поджогу появляются въ періодѣ предвѣстниковъ у эпилептиковъ и истеричныхъ. Бываютъ случаи, когда и онанисты, подъ вліяніемъ раздражительности и насильственныхъ представленій, рѣшаются на поджоги.

Прасковья А., ¹⁾ крестьянка, 19 л., происходила изъ здоровой семьи. Сама испытываемая до замужества была совершенно здорова и не обращала на себя вниманія окружающихъ никакими странными поступками. Менструаціи у нея открылись на 17 году, постоянно происходили нормально и не сопровождалась никакими побочными разстройствами. Въ 1895 году П. вышла замужъ по своей охотѣ. Испытуемая прожила съ мужемъ послѣ свадьбы только 2 недѣли, а затѣмъ онъ уѣхалъ на заработки и она его съ тѣхъ поръ не видѣла. Въ домѣ свекра жизнь была не трудная; работой родители мужа ее особенно не утомляли и относились къ ней хорошо. Она все это время была здорова. Такъ дѣло продолжалось до апрѣля, когда въ домѣ случилось одно за другимъ два несчастія: умеръ отъ болѣзни горла одинъ сынъ свекрови испытываемой, а затѣмъ, во время похоронъ его, утонулъ въ кадкѣ съ водой другой, маленюкій мальчикъ. Послѣдній утонулъ, когда въ домѣ не было изъ взрослыхъ никого, кромѣ испытываемой, почему родители мальчика всей ташестью своего гнѣва обрушились на нее, обвиняя ее въ томъ, что она не доглядѣла и что поэтому она виновата въ гибели мальчика. Свекоръ въ сердцахъ ударилъ даже испытываемую по головѣ, отчего испытываемая упала и при этомъ ударилаъ головой же объ столбъ. Душевное состояніе у Прасковьи было угнетеннымъ, разстроеннымъ и она „не находила себѣ покоя“. Съ этого времени въ деревнѣ одинъ за другимъ начались пожары. Всѣхъ пожаровъ въ періодъ времени съ 24 апрѣля по 16 мая произошло 6. Они происходили въ слѣдующемъ порядкѣ. 24 апрѣля загорѣлась солома въ сараѣ свекра испытываемой. Огонь былъ во время потушенъ. 28 апрѣля загорѣлась солома и щетки у дома крестьянина Игната А., брата свекра испытываемой. Этотъ дворъ отстоялъ черезъ 2 двора отъ избы свекра, въ которой проживала испытываемая. Испытуемая часто посѣщала семью Игната за разными надобностями и была между прочимъ передъ тѣмъ, какъ загорѣлось. Огонь и на этотъ разъ былъ во время потушенъ. 29 апрѣля загорѣлась кострика на заваленкѣ избы того же Игната А. Испытуемая опять таки была передъ тѣмъ здѣсь. 1 мая загорѣлся сарай сосѣда свекра испытываемой. Огонь съ сосѣдними двумя сараями, изъ которыхъ одинъ принадлежалъ свекру испытываемой. Въ тотъ же день, только что былъ потушенъ послѣдній пожаръ и всѣ разошлись, загорѣлся дворъ свекра испытываемой; сгорѣлъ до тла вмѣстѣ съ 4-мя сосѣдними дворами. 16 мая, въ 1 часъ дня, загорѣлся снова дворъ Игната А., брата свекра испытываемой, и сгорѣлъ вмѣстѣ со всѣми другими постройками. Испытуемая въ это время проживала противъ Игната А., въ домѣ крестьянки В. Она переселилась сюда вмѣстѣ со своимъ семействомъ свекра послѣ 2-го пожара 3 мая, когда дворъ

¹⁾ Bucknill and Tuke, Manuel p. 224.

²⁾ Camuset, La pyromanie, Annal. medico-psycholog., 1893.

³⁾ Derode, Note medico-legale à propos d'un incendiaire. Bulletin de la société de medecine mentale Belgique, 1893.

¹⁾ В. Н. Ергольскій. О пироманіи, Прот. общества Калужскихъ врачей, 1895 г.

свекра сгорѣлъ. Только послѣ этого пожара испытуемая была заподозрена въ поджигательствѣ. Во время допроса во всемъ сразу созналась, что всѣ поджоги совершила она изъ злобы на свекра. При этомъ добавила: Поджоги всѣ мои. Довели меня свекоръ и свекровь; мнѣ плохо стало жить у нихъ. Хотѣла лишить себя жизни, броситься съ сараемъ, да подумала: „лучше подожгу!“ Я была не своя. Потомъ опять поджигала я. Я должна была поджечь, потому что мѣста не находила себѣ. Мужъ денегъ не высылалъ, а родители выговаривали мнѣ за это. Когда утонулъ мальчикъ, свекоръ сильно избилъ меня, выгналъ изъ дому и кричалъ: на вѣкъ ты мнѣ постыла, не показывайся мнѣ больше!“—Случай этотъ имѣетъ еще и тотъ интересъ, что П. А. то вспоминала о поджогахъ, то забывала о нихъ, почему д-ръ Ергольскій допускаетъ здѣсь двойственность сознания.

Импульсивное влеченіе къ убійству. — Очень часто подобныя явленія совершаются подъ вліяніемъ насильственныхъ представленій, приступовъ тоски и проч., но это не будутъ чистые случаи импульсивныхъ побужденій къ убійству. Чистые случаи импульсивныхъ побужденій къ убійству очень рѣдки, но тѣмъ не менѣе описываются. Такой случай описанъ Mark'омъ, такіе случаи писаны и другими авторами. Обыкновенно эти лица относятся къ разряду дегенератовъ, при чемъ самые импульсивные приступы нерѣдко связаны съ періодами эволюціонныхъ колебаній въ организмѣ, какъ періодъ наступленія менструацій, полового развитія, усиленного занятія онанизмомъ и проч.

Импульсивное побужденіе къ самоубійству—явленіе болѣе частое, чѣмъ вышеуказанное явленіе; но и оно обыкновенно встрѣчается рѣдко. Обыкновенно оно встрѣчается у людей съ наследственнымъ предрасположеніемъ къ душевнымъ и нервнымъ заболѣваніямъ. Часто оно присоединяется къ предсердечной тоскѣ, насильственнымъ представленіямъ и проч. Нерѣдко являются такіе импульсы у эпилептиковъ, истеричныхъ, алкоголиковъ и проч.,—но особенно часты у людей имѣющихъ семейное предрасположеніе къ самоубійству.

Одинъ мой больной окончилъ жизнь самоубійствомъ при слѣдующихъ условіяхъ. Одинъ изъ его родителей окончилъ жизнь самоубійствомъ въ тридцатыхъ годахъ жизни; было и еще нѣсколько случаевъ самоубійствъ въ эти же годы у родныхъ больного и по боковой линіи. Братъ и сестра больного окончили самоубійствомъ въ тѣ же годы; другой братъ больного въ тридцатые годы перенесъ тяжелую душевную болѣзнь. Тридцатые годы считались въ семействѣ роковыми и кто ихъ переживалъ благополучно, тотъ оставался жильцомъ на свѣтѣ. Мой больной окончилъ курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи и въ 32 года занималъ прекрасное служебное положеніе. Въ молодости онъ имѣлъ сифилисъ и въ 32 года у него развилась явная форма *syphilis cerebri* съ легкими дементными явленіями. Излечившись въ клиникѣ отъ болѣзни и вполне оправившись отъ своей болѣзни въ Пятигорскѣ, боль-

ной уѣхалъ домой съ самыми радужными надеждами въ жизни и въ расчетѣ жениться на избранной дѣвушкѣ. И тѣмъ не менѣе, при самыхъ благопріятныхъ жизненныхъ условіяхъ, черезъ три недѣли, онъ самъ себя разрубилъ топоромъ голову. Передъ этимъ онъ нерѣдко самъ издѣвался надъ ужасной семейной страстью къ самоубійству въ теченіе тридцатыхъ годовъ жизни.

Импульсивная страсть къ половому удовлетворенію является гораздо чаще, чѣмъ вышеуказанныя два вида импульсивныхъ явленій. Въ послѣднее время это болѣзненное состояніе стало особенно излюбленнымъ предметомъ изученія, при чемъ нѣкоторые авторы стремятся къ особенно широкому распространенію своихъ данныхъ, не вполнѣ достойному присущаго имъ имени учонаго. Половая страсть въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствительно неслыхиваетъ съ такою силою, что можетъ заглушить требованія разсудка и повлечь за собою преступленіе и нарушеніе приличія и общепринятыхъ жизненныхъ условій. Разумѣется, такое ожесточеніе можетъ быть только у людей неуравновѣшенныхъ и съ болѣзненною предрасположенною нервною натурою. Иногда эта страсть соединяется съ извращеніемъ полового влеченія, въ видѣ стремленія къ удовлетворенію на животныхъ, противонароднымъ способомъ, на трупахъ, съ укулами въ половые органы и съ изорваніемъ себя и другого лица.

Всѣ подобного рода случаи въ послѣднее время публикуются съ избыткомъ.

Наконецъ описываютъ *неудержимую страсть* и *неудержимое влеченіе къ бродяжничеству*. И это явленіе свойственно дегенератамъ. Оно можетъ проявляться какъ совместно съ другими болѣзненными психическими явленіями, такъ и самостоятельно. Въ первомъ случаѣ оно наблюдается у эпилептиковъ, алкоголиковъ, нравственно помѣшанныхъ, — во второмъ — у дегенератовъ вообще. Первые случаи изучены болѣе въ отдѣлѣ автоматизма.

Мнѣ приходилось наблюдать слѣдующій случай. Х. происходилъ изъ сильно вырождающейся семьи. Онъ учился въ гимназій и очень хорошо дошелъ до высшаго класса. Во время экзаменовъ, недавнихъ очень удачно, Х. пачесть. Въ его комнатѣ нашли горящую свѣчу и раскрытую книгу, по которой онъ готовился къ экзамену, самъ же Х. пачесть безслѣдно. Восемь или девять мѣсяцевъ онъ гдѣ-то былъ безъ вѣсти, пока не полученъ былъ родителями запросъ изъ тюремнаго замка одной изъ губерній средней полосы Россіи, дѣйствительно ли у нихъ есть сынъ. Тщательное разслѣдованіе показало, что Х. ушелъ изъ Харькова пѣшкомъ и былъ безъ паспорта пойманъ въ Курскѣ. При запросѣ—кто онъ таковъ, Х. отвѣчалъ, что онъ не помнитъ этого. Его посадили въ тюрьму. Спустя 2—3 недѣли, онъ объявилъ, что онъ мѣщанинъ такой-то губерніи и такого-то уѣзда. Его послали по этапу на

мѣсто родины. Оказалось, что на дѣлѣ ничего подобнаго не было. Да и самъ Х. объявилъ, что его заявленіе ложно. Въсѣтъ съ этимъ онъ объявился другимъ именемъ. Опять путешествіе по этапу и опять ложь. Такъ онъ путешествовалъ 8—9 мѣсяцевъ, пока не назвалъ своимъ именемъ и не возвратился роднымъ. Зачѣмъ онъ это дѣлалъ, Х. никому и никогда не говорилъ. Прошло два года: Х. готовился въ университетъ и былъ на канунѣ поступленія. Но въ это время онъ опять безслѣдно исчезъ. На этотъ разъ онъ безъ вѣсти былъ болѣе года, проходя добровольно прежнія мытарства. На этотъ разъ однако дѣло окончилось хуже: его судили за бродяжничество и приговорили късылкѣ въ Сибирь. Напрасно, по произнесеніи приговора, онъ заявлялъ свое настоящее имя. Приговоръ суда долженъ былъ быть приведенъ въ исполненіе; только ходатайство родственника, почтеннаго профессора, спасло его отъ Сибири.

Verga ¹⁾ описываетъ случай, въ которомъ 12 лѣтній мальчикъ одержимъ былъ неудержимой страстью къ путешествіямъ; онъ путешествовалъ и пѣшкомъ, и по желѣзной дорогѣ, будучи побуждаемъ къ тому neodолжимымъ стремленіемъ скитаться по различнымъ городамъ и постоянно перекочовывать съ мѣста на мѣсто. Рядомъ съ этимъ у него наблюдались: необыкновенная вспыльчивость, ничѣмъ необъяснимое отвращеніе къ родительской кровлѣ, чрезвычайная подвижность и живость, наклонность ко лжи, обманамъ, изобрѣтательность на злые выдумки и воровство и проч.

Разстройства движеній.

а. Разстройства произвольныхъ движеній.

Въ области простыхъ движеній уклоненія двоякаго рода: усиленіе ихъ и ослабленіе или даже и прекращеніе. Къ первымъ относятся: дрожь, судороги и контрактуры или сведенія. Судороги бываютъ клоническія или прерывистыя, какъ напр. при эпилепсін,—и тоническія или непрерывныя, какъ при тетанусѣ. Къ ослабленію или прекращенію двигательной дѣятельности относятся парезы и параличи.

1. Въ области произвольныхъ движеній заслуживаютъ вниманія разстройства рѣчи и письма.

Разстройства рѣчи. Для выраженія нашихъ мыслей, чувствъ, желаній и взаимоотношенія съ окружающими служить: рѣчь, письмо, мимика и жесты,—но главнымъ способомъ взаимоотношеній служить рѣчь. Для проявленія рѣчи требуется цѣлостное существованіе: органа слуха, проводниковъ къ высшимъ центрамъ, центра слуховыхъ ощущеній, центра слуховыхъ представленій, центра двигательныхъ представленій органа рѣчи, соединительной системы центра рѣчевыхъ представленій со всѣ-

¹⁾ Verga, Un caso determinismo ambulatorio, Rivista sperimentale di freniatria, v. XVII, 4.

ми центрами другихъ представленій, цѣлостность проводниковъ отъ этихъ послѣднихъ центровъ къ двигательному центру рѣчи и цѣлостъ органовъ рѣчи; къ этому должно присовокупить связи съ центромъ письма и центромъ мимики и жестовъ. Пораженіе каждаго изъ вышеуказанныхъ отдѣловъ органа рѣчи влечетъ за собою и разстройство рѣчи, имѣющее несомнѣнно огромное вліяніе на опредѣленность отношеній даннаго лица къ окружающимъ.

Пораженія прежде всего могутъ касаться органовъ чувствъ, преимущественно слуха. Такія разстройства рѣчи носятъ названіе сенсорной афазіи.

При пораженіи органа слуха и центра слухового нерва отъ рожденія или въ раннемъ дѣтствѣ наступаетъ глухонѣмота, такъ какъ такія лица лишены способности воспріятія слуховыхъ ощущеній, образованія двигательныхъ представленій для воспроизведенія звуковъ рѣчи и образованія звуковыхъ представленій. При пораженіи органа слуха и его сенсорныхъ центровъ въ зрѣломъ возрастѣ наступаетъ недостатокъ воспріятія слуховыхъ ощущеній, недочетъ въ воспріятіи свѣденій и неспособность реагировать или отвѣчать на вопросы другихъ,—при этомъ однако сохраняется способность понимать письменные вопросы и мимику и отвѣчать на нихъ.

При пораженіи центровъ слуховыхъ представленій (1 и 2 височныя извилины—Starr ¹⁾) человѣкъ способенъ воспринимать слуховыя впечатлѣнія, — но онъ не понимаетъ ихъ значенія. Это будетъ *словесная глухота*; при этомъ однако человѣкъ можетъ понимать написанное названіе предмета и отвѣчать на вопросы. При пораженіи центра двигательныхъ представленій рѣчи, человѣкъ слышитъ говоръ, понимаетъ все сказанное, но самъ не можетъ отвѣчать. Онъ произноситъ звуки, но или эти звуки совершенно безсмысленны и бессодержательны, или же вовсе не соотвѣтствуютъ даннымъ обстоятельствамъ. Такъ, больной руку называетъ словомъ „кисть“, книгу—словомъ „люлька“ и проч. Въ этихъ случаяхъ повтореніе больными сказанныхъ посторонними лицами словъ или совершенно невозможно, или въ высокой степени затруднено, при чемъ почти всегда больные не понимаютъ своихъ ошибокъ. Это состояніе

¹⁾ Allen Starr, The Pathology of sensory aphasia, The Brain, 1889.

Staar и др. называютъ словесной нѣмотой или потерей памяти словъ (*amnesia verbalis*).

Есть еще одна важная разновидность словесной нѣмоты—потеря способности узнавать видимый предметъ, названіе котораго однако понято (психическая слѣпота—*Starr*); въ болѣе полныхъ случаяхъ афазіи наступаетъ неспособность понимать и воспроизводить какъ зрительныя, такъ и слуховыя представленія, а слѣдовательно неспособность понимать рѣчь и чтеніе, неспособность самому читать и неспособность сознательно говорить и писать.

Двигательная афазія наступаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда бываютъ поражены двигательный центръ, или ея проводники, или органъ рѣчи. Во всѣхъ этихъ случаяхъ больной слышитъ и понимаетъ, но не можетъ выразить своихъ мыслей языкомъ. Разстройства даннаго рода могутъ касаться только рѣчи (анартрія), или и письма (аграфія). Случай чистой двигательной афазіи представленъ Аристовымъ ¹⁾, но еще болѣе интересенъ случай Случкаго ²⁾.

13 л. мальчикъ еврей, малокровный и истощенный, проходя ограду армянской церкви, увидѣлъ какого-то человека, необыкновенно высокаго, чернаго, съ длинною черною борою, который ему угрожалъ кулакомъ. Мальчикъ сильно испугался, быстро пробѣжалъ дворъ церкви при чемъ сердце его сильно билось и дыханіе захватывало. Ночью, когда онъ заснулъ, этотъ человекъ вновь явился и также грозилъ кулакомъ, при чемъ сердцебиеніе, испугъ и захватываніе дыханія были еще сильнѣе. На утро онъ лишился рѣчи. Помѣстили въ больницу. Больной все понималъ, отвѣчалъ на все мимикой, но говорить не могъ. Каждую ночь видѣніе больному являлось и страшно пугало, при чемъ однажды больной въ страхѣ и испугѣ заговорилъ,—но когда все улеглось и онъ успокоился, рѣчь опять оказалась потерянной. Спустя недѣлю три больной сразу опять началъ говорить.

Къ анартрическимъ разстройствамъ рѣчи должно отнести недостатки и измѣненія въ произношеніи, когда рѣчь становится отрывистой, скачущей, неясной, невнятной и неотчетливой, при этомъ и самый языкъ представляется дрожащимъ, какъ бы припухшимъ и плохо под-

¹⁾ Аристовъ, Случай двигательной афазіи, Архивъ психіатріи, 1899.

²⁾ Случкій, Афазія и галлюцинаціи, 1884, т. III.

виженнымъ. Такія измѣненія наблюдаются при *delirium tremens*, прогрессивномъ параличѣ и проч. У очень многихъ больныхъ наблюдаются измѣненія въ темпѣ рѣчи: рѣчь становится монотонною, медленною, растянутою, или же слишкомъ аффективной и быстрой. Иногда въ произношеніи рѣзко выражена дѣтская, лепечущая рѣчь, въ другихъ случаяхъ—декламаторскіе приемы страстной рѣчи. Въ рѣдкихъ случаяхъ наблюдаютъ склонность эхообразнаго повторенія рѣчи другихъ—эхолалія,—или же склонность къ произношенію одного и того же слова, или одной и той же фразы—вербигерация. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ больные выдумываютъ свою собственную рѣчь и называютъ ее англійскою, французскою и проч. въ другихъ случаяхъ придумываютъ новыя слова и придаютъ этимъ неологизмамъ особенное значеніе.

Разстройства рѣчи имѣютъ очень важное значеніе въ судебно-медицинскомъ отношеніи и при томъ далеко неодинаковое въ различныхъ случаяхъ. Нерѣдко такими большими совершаются акты—завѣщанія, дарственные записи, векселя и т. п. Во всѣхъ такихъ случаяхъ должно строго различать съ какимъ видомъ разстройства рѣчи мы имѣемъ дѣло. Больные могутъ быть вполне правоспособными, если у нихъ потеря слуха, но они могутъ читать, правильно понимать жесты и мимику и выражать свою волю словами, или письмомъ. Больные иногда правоспособны, если они правильно слышатъ, иногда правильно все понимаютъ, но не могутъ говорить (двигательная афазія),—особенно дѣло облегчается, если такіе больные могутъ писать: труднѣе дѣло обстоитъ, если они должны выражать свою волю мимикой и жестами,—при этомъ требуется отъ окружающихъ пониманіе и правильное толкованіе ихъ жестовъ и мимики.

Гораздо труднѣе дѣло обстоитъ при словесной глухотѣ и вербальной амнезії,—почти всѣ такіе случаи должны быть относимы къ неправоиспособности и правоспособность должна имѣть за себя вполне компетентную и доказательную медицинскую экспертизу. Полная афазія сочетается съ полною неправоиспособностью.

Письмо помѣшанныхъ имѣетъ весьма важное и существенное судебно-психіатрическое значеніе, какъ объективный признакъ проявленія ненормальнаго душевнаго состоянія. Оно особенно важно въ тѣхъ случаяхъ, когда самого объекта освидѣтельствованія на лицо нѣтъ, когда онъ умеръ, или по какимъ либо обстоятельствамъ не мо-

жетъ подлежать личному освидѣтельствуванію. По этому не удивительно, что опытные психіатры давно обратили вниманіе на письмо помѣшанныхъ, его почеркъ, стиль и характеръ. Первый занялся изученіемъ письма Marcé¹⁾. Онъ обратилъ вниманіе не только на особенности письма при различныхъ формахъ душевныхъ заболѣваній, но и на судебно-медицинское значеніе письма. За симъ въ послѣднемъ направленіи послѣдовали работы Tardieu, Legrand du Saull'a, Raggi, Buchwald'a Nicolas, Vogt и др. Въ 1880 г. Albert Erleumeyer издалъ свою солидную монографію о письмѣ, гдѣ онъ обратилъ вниманіе не только на патологическую сторону письма, но и на письмо здоровыхъ людей. Въ послѣднее время создалась цѣлая наука о письмѣ, графологія, которая стремится, на основаніи особенностей письма данного лица, дать основанія къ раскрытію особенностей его характера, душевной жизни и проч. Явилась такая книга и на русскомъ языкѣ (Д. Д. Ахшарумовъ),—въ иностранной же литературѣ этимъ занимались Lombroso и др.

Въ современной психіатрической литературѣ письма относительно душевныхъ больныхъ можно найти работы: Berlin'a, Bianchi, Koenigshofer'a, П. И. Ковалевскаго, Stone, Durand, Iobert, Binet и Simon'a.

Выраженіемъ мыслительной дѣятельности человѣка служатъ его движенія: рѣчь, поступки и мимика. Въ этихъ дѣйствіяхъ почти всегда можно уловить настроеніе духа данного лица и умственное развитіе его. Равнымъ образомъ, зная данное лицо, по нимъ же мы можемъ утверждать объ измѣненіи и перемѣнахъ, какъ въ настроеніи духа его, такъ и въ мыслительной дѣятельности. Правда многія лица, путемъ упражненія, успѣваютъ слишкомъ скрывать себя; и только ихъ рѣчь и поступки могутъ служить для насъ источникомъ сужденія объ ихъ мыслительной дѣятельности и состояніи самочувствія.

¹⁾ *Marcé*, Etude sur la valeur des ecrits des aliénés au point de vue de la semiologie et de medecine legale, 1864.—*Tardieu*, Etude medico-legale de la folie.—*Legrand du Saull'e*, Etude medico-legale sur l'épilepsie.—*Bianchi*, Lo sperimentale, 1882.—*П. И. Ковалевскій*, Судебно-психіатрическіе анализы, 1881, т. II.—*Berlin*, Ecriture chez les gauches.—*Stone*, Troubles cérébraux amenant l'impossibilité d'écrire.—*Durand*, Ecriture en miroir, 1882.—*Iobert*, Ecriture chez le gauchers, 1886.—*Binet*, Ecriture hysterique, 1888.—*Simon*, Sur les ecrits des aliénés, Archives de l'anthropologie criminelle de Lyon.—*Ferrari*, *Herricourt* et *Richet*, La personnalité et l'écriture, Seance societe psychologie hysiolgique, 1885.

Письмо, какъ способъ выраженія мысли, естественно, по своему содержанію, должно имѣть значеніе. Оно есть замѣна рѣчи, поэтому до нѣкоторой степени и должно имѣть значеніе ея. Но только до нѣкоторой степени. И вотъ почему: нѣкоторые лица могутъ очень красиво рѣчиво говорить, т. е. устно излагать свои мысли, и очень плохо и недостаточно излагать ихъ письменно; слѣдовательно, письмо въ этомъ случаѣ доставитъ далеко недостаточныя данныя; другіе, напротивъ, очень болтливы на языкъ и осторожны въ письмѣ, — и того, что они безъ разсужденія сболтнуть въ разговорѣ, вовсе не напишутъ въ письмѣ: нѣкоторые психопаты, при полномъ бредѣ уже въ рѣчи, напрягаютъ всѣ свои усилія не просканиваться въ письмѣ, зная всю важность письменныхъ документовъ. За то въ другихъ случаяхъ письмо моментально выдаетъ больного. Всѣ недостатки мыслительной дѣятельности и неправильности сочетанія мысли, которые иногда очень ловко и удачно скрадываются въ разговорѣ, весьма ярко и наглядно выступаютъ въ письмѣ. Это особенно рѣзко бываетъ при маніи и слабоуміи.

Но насъ въ настоящій разъ очень мало интересуетъ содержаніе письма помѣшанныхъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ въ документахъ, подлежащихъ обсужденію суда и экспертовъ, содержаніе бываетъ казенное и подъ нимъ находятся только подписи тѣхъ лицъ, о правоспособности которыхъ идетъ рѣчь. Слѣдовательно, въ этихъ случаяхъ для насъ важна форма или внѣшняя сторона дѣла письма.

Содержаніе письма можетъ служить положительнымъ доказательствомъ при постановкѣ діагноза, но оно почти никогда не имѣетъ отрицательнаго значенія при опредѣленіи притворства или симуляціи, тогда какъ форма письма, въ опредѣленіи симуляціи, нерѣдко можетъ имѣть важное, по временамъ же первенствующее, значеніе.

При изученіи формы письма нужно обращать вниманіе на качество бумаги, форму ея, направленіе строкъ, твердость и мягкость почерка, форму буквъ, сочетаніе ихъ между собою, правильность постановки буквъ, пропуски и ошибки въ словахъ и слогахъ.

Что касается *качества бумаги*, то въ этомъ отношеніи чаще всего можно обнаружить сообразительность и правильность мышленія больныхъ. Сплошь и рядомъ можно замѣчать, что слабоумные подаютъ прошеніе на

Высочайшее имя на сѣрой или оберточной сахарной бумагѣ и начинаютъ письмо такъ: Милостивый Государь Николай Александровичъ.

Очень часто можно замѣчать, какъ больные посылаютъ любовныя письма, по ихнему, дѣловыя, на измятыхъ клочкахъ бумаги, безъ конвертовъ, или въ конвертахъ фантастическаго качества. У большинства слабоумныхъ и даже многихъ маниаковъ не является мысли о почтовыхъ и гербовыхъ маркахъ,—это лишняя внѣшность, не имѣющая для нихъ цѣли. Многіе больные издаютъ высочайшіе манифесты, рескрипты, приказанія и пр. на оберточной бумагѣ и т. п. Другіе, напротивъ, щепетильно чистоплотны и соглашаются писать только на почтовой или глазированной бумагѣ, находя для себя недостойнымъ писать на простой бумагѣ. Все это уже по первому взгляду представляетъ достаточныя данныя о глубокомыслии и правильной оцѣнкѣ своихъ поступковъ со стороны больныхъ.

Нѣкоторые больные имѣютъ привычку писать на кусочкахъ бумаги квадратной формы, или звѣздчатой формы, или на треугольникахъ,—другіе, напротивъ, пишутъ, гдѣ и на чомъ попало.

Нѣкоторые больные не обращаютъ никакого вниманія на *направленіе* ихъ *строкъ*,—строки эти идутъ неровно, пересѣкаютъ одна другую; иногда письмо бываетъ исписано сначала слѣва на право, а затѣмъ сверху внизъ, уже чрезъ написанныя строки. Иные больные, прежде писавшіе ровно, во время болѣзни обнаруживаютъ неровность, зигзагообразность и волнистость въ направленіи строкъ.

Не безынтересно слѣдить за величиною бумаги или точнѣе величиною поля бумаги, на которомъ психоматы помѣщаютъ свое письмо: одни пишутъ отъ края до края листа, какъ это дѣлается обыкновенно; другіе, напротивъ, любятъ просторъ,—они любятъ оставлять огромныя поля справа и слѣва; бываетъ и такъ, что небольшое письмо пишется на нѣсколькихъ листикахъ бумаги, причемъ ставится на одной сторонѣ страницы нѣсколько словъ, затѣмъ нѣсколько словъ на другой, то же на третьей. Особенно отчетливо это выдается, если больные пишутъ на записныхъ книжкахъ. Въ крайнихъ случаяхъ имъ мало даже цѣлой страницы для одного слова, такъ напр., на одной страницѣ больной пишетъ *ку*, на другой *ти*, на третьей *тѣ*, на четвертой *Бо*, на

пятой *кля*. Причемъ въ большинствѣ такихъ случаевъ въ письмѣ замѣчается размахистость и поспѣшность письма.

Если обратить вниманіе на состояніе письма по отношенію къ различнымъ формамъ помѣшательства, то можно замѣтить слѣдующее.

Меланхолики почти всегда имѣютъ почеркъ нѣжный, мягкій, слабый, женскій, гораздо тоньше и нѣжнее, чѣмъ въ здоровомъ состояніи. Они иногда не дописываютъ словъ по нерѣшительности. Періоды ихъ не велики. Письма часто недописаны и нерѣдко окроплены слезами.

Маниаки, напротивъ, имѣютъ письмо твердое, грубое, рѣшительное. Они любятъ просторъ и потому оставляютъ часто громадныя поля на письмѣ. Часто слова недописаны, въ силу поспѣшности и неспособности сосредоточивать вниманія на одномъ предметѣ. Они не обращаютъ вниманія на качество бумаги и направленіе строкъ. Въ ихъ письмѣ замѣтна поспѣшность, небрежность, помарки, пропуски, брызги, писанье чрезъ строки вдоль и поперекъ. Иногда маниаки любятъ писать на бумагѣ особенной формы, какъ звѣздчатой, треугольной и проч.

Письмо *слабоумныхъ* мало чѣмъ по формѣ отличается отъ письма обыкновенныхъ людей. Въ ихъ письмахъ можно замѣчать небрежность, забывчивость, неряшливость. Они нерѣдко перевираютъ имена, начинаютъ письма къ одному лицу, а оканчиваютъ къ другому. Иногда и у нихъ можно замѣтить фантастичность въ формѣ бумаги. Они пропускаютъ буквы, смѣшиваютъ ихъ съ другими, переставляютъ ихъ, прибавляютъ лишнія, а иногда пропускаютъ слоги и слова. Таковы же свойства письма и лицъ тупоумныхъ отъ рожденія ¹⁾.

Часто замѣчается полное невниманіе къ тому на какой бумагѣ пишется письмо. Слабоумные чаще посылаютъ прошенія въ Петербургъ на сахарной бумагѣ, на писаленной бумагѣ и пр.

По мнѣнію Berkhan ²⁾ въ письмѣ особенно ярко выступаетъ умственная несостоятельность этихъ боль-

¹⁾ Berkhan, Ueber die Störungen der Schriftsprache bei Halbidioten, Archiv für Psychiatrie, B. XVI, 1.

²⁾ Berkhan, Die Schreibstörungen bei Schwachgefahrigkeit in gerichtlicher Beziehung. Viert. f. ger. med., 1893.

ныхъ и онъ совѣтуетъ прибѣгать къ нему, гдѣ требуется наглядно доказать слабоуміе и пораженіе вниманія больного.

Я никакъ не могу согласиться съ мнѣніемъ Christoph von Schröder ¹⁾, что письмо *первично помѣшанныхъ* (Verrückten) ничѣмъ не отличается отъ письма здоровыхъ людей. Напротивъ, если у кого, то именно у этихъ больныхъ можно найти множество всевозможныхъ уклоненій отъ обычнаго письма. Подъ влияніемъ способности придавать особенное значеніе вещамъ и знакамъ ничего незначущимъ, они весьма часто украшаютъ свое письмо тѣми или другими фантастическими знаками и приемами. (Н. И. Мухинъ) ²⁾.

Эти больные имѣютъ привычку писать въ видѣ стиховъ, начиная каждую строку большою буквою; другіе избираютъ одну какую либо букву излюбленную и ставятъ ее всюду, даже среди слова, большою. Нѣкоторые любятъ въ словахъ повторять по нѣскольку разъ одну и ту же букву или же цѣлый слогъ. Вотъ имѣющійся у насъ образецъ такого повторенія:

Предлагаю и прошу

Приніать и зачислить

Начальникомъ Тамбовской

Губернній т. е.

Губернаторомъ иміанно

Г-нна Грфа Аллекссандрра

Ивановича

Морравляникова

Молодого челловѣкка.

Перревесствіе ннужно

По французски и объявить

О семъ въ полиціи

Въ Тамбовѣ т. е.

Суассоннѣ къ Восстокку

Въ Еввропѣ.

Быть по сему Іоаннъ V царрь одиннъ изъ Пэнтаррхін.

Нѣкоторые больные любятъ украшать свое письмо особенными символическими значками; такъ напримѣръ, вотъ отрывокъ одного такого письма.

¹⁾ Christoph von Schröder, Studien über die Schreibweise geistes Kranker.

²⁾ Н. И. Мухинъ, Атавизмъ въ письмѣ, Архивъ психіатріи. 1890.

Я слава Богу живъ и здоровъ + чего и вамъ отъ души желаю. Живется мнѣ очень хорошо, только бѣда та, что не на свободѣ †. Еще-бы лучше было есми-бы были деньги (⊕); съ деньгами можно сдѣлать все, а безъ денегъ ничего" и т. д.

Долго я не могъ добиться, что означаютъ значки +, † и (⊕), пока наконецъ самъ больной не разъяснилъ мнѣ: + крестикъ означаетъ праздникъ, поэтому во всѣхъ случаяхъ, гдѣ говорилось о пріятномъ, онъ ставилъ крестикъ, такъ какъ это символъ пріятнаго. Символъ не-пріятнаго или отчаянія †, — этотъ знакъ напоминаетъ собою кладбищенскіе кресты, поэтому напр. говоря о ли-шеніи свободы онъ ставилъ знакъ †. Крестикъ въ кругу означаетъ большой праздникъ, поэтому ставить его всюду, гдѣ говорится о большомъ удовольствіи, такъ напр. о деньгахъ съ которыми можно имѣть всевозможныя удовольствія.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ письмо страдающихъ *прогрессивнымъ параличомъ помѣшанныхъ*. Для опредѣленія уклоненій въ этомъ письмѣ необходимо всегда сравненіе даннаго письма съ письмомъ того же лица, писаннымъ года 3—4 назадъ. Уклоненія въ письмѣ этихъ больныхъ очень разнообразны и находятся въ зависимости отъ того какое проявленіе болѣзни и какой періодъ ея. При этой болѣзни рѣзко обнаруживаются какъ явленія со стороны умственныхъ способностей, свойственныя слабоумнымъ, такъ и явленія паралитической. Въ иныхъ случаяхъ въ началѣ болѣзни бываютъ выражены паралитическія явленія рѣзче ослабленія умственныхъ способностей, — въ другихъ — наоборотъ и въ третьихъ и тѣ и другія развиваются одновременно. Если паралитическія явленія предшествуютъ разстройству мыслительному, то главная особенность проявляется въ формѣ письма. Письмо становится неравномѣрнымъ, какъ бы судорожнымъ. Обыкновенно строки идутъ неровно, извилисто, слоги въ строкахъ тоже стоятъ неровно — одни выше, другіе ниже. Тоже самое можно сказать и объ отношеніи буквъ между собою. Однѣ изъ нихъ написаны болѣе смѣлымъ почеркомъ и даже очень рѣзкимъ, другіе, напротивъ, отличаются легкостью. Но особенно рѣзко и почти обязательно выдается характеръ буквъ. Большинство изъ нихъ крайне угловаты, ангагообразны и иногда стоятъ только изъ отдѣльныхъ

чорточокъ. Рядомъ съ этимъ вы замѣчаете въ письмѣ брызги и цѣлыя пятна чернилъ.

Особенности эти наступаютъ незамѣтно и постепенно усиливаются. Въ покойномъ состояніи измѣненія сглаживаются, въ болѣе возбужденномъ они выступаютъ рѣзче.

Болѣзнь идетъ дальше. Измѣненія касаются уже умственной дѣятельности. При этой болѣзни на первомъ планѣ стоитъ пораженіе вниманія и это какъ нельзя лучше выражается въ письмѣ.

Сплошь и рядомъ въ такомъ письмѣ можно встрѣтить или повторенія однихъ и тѣхъ-же слоговъ и буквъ, или, напротивъ, пропуски слоговъ и буквъ. Замѣчательнѣе всего то, что эти ошибки очень часто встрѣчаются въ самыхъ знакомыхъ и извѣстныхъ словахъ, какъ: имя, фамилія, званіе, чинъ и проч. Иногда изъ двухъ словъ, имѣющихъ созвучные слоги, они составляютъ одно, выпуская всѣ средніе слоги; то же самое бываетъ въ одномъ и томъ-же словѣ. Письмо этихъ больныхъ крайне некрасиво, неряшливо, частыя зачеркиванія и поправки, кляксы и забрызгиванія. Для примѣра ихъ ошибокъ я приведу отрывокъ одного письма, которое больноі писаль при мнѣ и въ тоже время въ слухъ диктоваль.

Братъ и другъ Павелъ!

„Я въ сумамаш(едш)емъ ¹⁾, здоровый и в(ъ) полномъ р(а)зсудкѣ. Тебя не пускаю(тъ) ко мнѣ считаютъ меня самымъ злѣдзѣ (злымъ здѣсь). Не вѣрь это все что я сумаш(едш)ій. Я ѣ(ха)лъ съ тобою, сestroю и отцомъ Никола(емъ) ко(то)рый то-же обманулъ меня(я) учав(ствов)алъ съ М., который распоряжал(ся) моимъ отѣздомъ и вмѣсто клиники онъ зав(оз)илъ доставить меня въ сумаш(едш)ій домъ. Прош(у) я хотебя (хотя тебя) и не пустили ко мнѣ в(о)зьми чел(о)вѣк(а) десять и ф(ельдш)ера“ и т. д.

Въ дальнѣйшемъ теченіи болѣзни письмо все ухудшается и ухудшается, пока, наконецъ, не доходитъ до того, что состоитъ изъ однихъ какихъ то зигзагообразныхъ чорточокъ, которыхъ не понимаетъ ни самъ больной, ни окружающіе.

Мимика и положенія тѣла также подвергаются измѣненіямъ у душевно-больныхъ, при чемъ для многихъ формъ, часто мы наблюдаемъ особенную характерную

¹⁾ Буквы, поставленныя въ скобкахъ, были пропущены больнымъ.

мимику и положенія тѣла. Таковы мимика и положенія тѣла для меланхоліи, маніи, паранойи и проч.

Къ разстройствамъ движеній должно отнести наравѣнныя движенія, импульсивныя движенія (tic) и автоматическія движенія. Изъ этихъ разстройствъ особенное вниманіе на себѣ останавливаютъ автоматическія движенія.

Автоматическія движенія выражаются въ сложныхъ поступкахъ и дѣйствіяхъ, кои почти носятъ на себѣ характеръ обдуманности, разумности и цѣлесообразности, но при чемъ они почти всегда безсознательны ¹⁾. Въ этомъ отношеніи мнѣнія наблюдателей нѣсколько расходятся: Janet и Aveta ²⁾ даже допускаютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ автоматизма возможность сохраненія сознанія, — Jespine же и другіе отсутствіе сознанія ставятъ cardinalнымъ признакомъ автоматизма. Разногласіе, впрочемъ, обусловливается различною природою отдельныхъ случаевъ автоматизма.

По происхожденію автоматизмъ можетъ быть эпилептический, истерическій, алкогольный, травматическій и токсическій (Frenkel) ³⁾.

Въ основѣ всякаго автоматическаго дѣйствія или поступка должно быть уже готовое представленіе; ему долженъ предшествовать готовый психическій механизмъ, для проявленія котораго требуется не волевой, или внѣшній чувствительный импульсъ, а какой либо патологическій мозговой, внутренний. Каждый такой автоматическій поступокъ является повтореніемъ прежде бывшихъ слѣдовъ памяти, почти безъ всякаго измѣненія въ механизмѣ производства, подчиняющагося личному выбору и сознанію. Frenkel различаетъ память психологическую, сопровождающуюся сознаніемъ, и память органическую, не сопровождающуюся сознаніемъ. Явленія автоматизма служатъ выраженіемъ органической памяти, почему они и не оставляютъ послѣ себя въ сознаніи слѣдовъ въ формѣ воспоминанія.

По своему проявленію, автоматизмъ можетъ быть весьма разнообразенъ. Наичаще онъ выражается въ такой формѣ, когда данное лицо совершаетъ дѣяніе въ

¹⁾ П. И. Ковалевскій, Автоматизмъ, Южно-русская медицинская газета, 1894.

²⁾ Aveta. Automatismo ambulatorio in alienato, Bolletino del manicomio Fleurent, 1892.

³⁾ Frenkel. L'automatisme dans les autres maladies nerveuses, 1893.

обычномъ кругѣ своей жизни; при этомъ оно говоритъ и дѣлаетъ все то, что оно и всегда говоритъ и дѣлаетъ и обычно должно говорить и дѣлать.

Въ другомъ рядѣ случаевъ автоматы совершаютъ дѣла, имъ несвойственныя и не обычныя; такъ, люди обычно разчетливые и даже скуповатые, становятся щедрыми, раздають имущество и проч.,—и затѣмъ ровнѣе ничего не помнятъ о происшедшемъ. P. Garnier передаетъ такой случай: молодой человѣкъ, какъ потомъ оказалось, страдавшій истеро-эпилепсией, былъ пойманъ въ мѣстѣ преступленія—выносилъ украденную мебель изъ магазина. Передъ слѣдователемъ онъ сначала отказывался, во второй разъ подробно все передалъ, а потомъ опять отказался. Очевидно, при второмъ допросѣ, подсудимый находился въ новомъ приступѣ автоматизма. Наконецъ, нѣкоторые лица совершаютъ самыя ужасныя преступленія и попадаютъ на скамью подсудимыхъ, какъ уголовные преступники. Kinney ¹⁾ передаетъ объ одномъ молодомъ человѣкѣ, что онъ, выпивши, убилъ старуху, которая его воспитала и холила, какъ родная мать. Все го содѣяннаго онъ рѣшительно не помнилъ. Его судили. На судѣ онъ заявилъ: „если я это дѣйствительно сдѣлалъ, то я достоинъ повѣшенія“. Его казнили.

Едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что автоматизмъ не является состояніемъ самостоятельнымъ, *simpliciter*, а, представляясь патологическою единицею, можетъ быть при очень разнообразныхъ болѣзненныхъ состояніяхъ. Во всѣхъ случаяхъ, однако, онъ развивается на почвѣ вырожденія или при болѣзненныхъ состояніяхъ, равняющихся оному.

Чаще всего автоматизмъ развивается у эпилептиковъ. Всѣ явленія эпилептическихъ эквивалентовъ, многіе случаи *perit-mal*, какъ напр. случаи Trousseau съ предсѣдательствомъ суда, могутъ быть приняты за проявленіе автоматизма. Нѣкоторые авторы, какъ напр. Funajoli, ²⁾ относятъ всѣ случаи автоматизма къ эпилепсией съ этимъ никакъ нельзя согласиться, такъ какъ, помимо эпилептического автоматизма, несомнѣнно существуютъ и другіе виды автоматизма. Тѣмъ не менѣе эпилептический автоматизмъ есть одно изъ частыхъ проявленій этой формы.

¹⁾ Kinney. Alcoholic trance, The Journal of inebriety, 1891, № 3.

²⁾ Funajoli. Di un caso di determinismo ambulatorio. Riforma medica, 1893.

Эпилептический автоматизмъ былъ извѣстенъ еще въ прошломъ столѣтіи, хотя авторы описывали его подъ другими названіями. Отношеніе эпилептического автоматизма къ судорожнымъ приступамъ таково: онъ можетъ явиться передъ приступомъ эпилепсiei, послѣ него и быть его эквивалентомъ. Althaus описываетъ случай, въ которомъ у одного молодого человѣка, передъ всякимъ приступомъ автоматизма, появлялась даже аура. Его приступъ состоялъ въ томъ, что больной вставалъ съ своего мѣста, отправлялся въ путь и прикасался ко всѣмъ проходящимъ людямъ. Если его останавливали, то онъ падалъ и повергался въ безсознательное состояніе. По аналогію Frenkel'я, преепилептический автоматизмъ—явленіе далеко не частое; послѣ эпилептической эквивалентъ очень частъ и выражается чаще въ частичной формѣ, напр. въ формѣ жевательныхъ движеній. Автоматическія явленія обнаруживаются чаще послѣ слабыхъ, чѣмъ послѣ сильныхъ судорожныхъ приступовъ. Наконецъ, нередки случаи эпилептического автоматизма безъ эпилептическихъ судорогъ, когда цѣлесообразныя дѣянія служатъ эквивалентомъ судорожнаго приступа.

Менѣе частъ истерическій автоматизмъ. Онъ отличается большей цѣлесообразностью въ дѣйствіяхъ и поступкахъ, большимъ проявленіемъ проблесковъ сознания и меньшимъ послѣдовательнымъ истощеніемъ по окончаніи приступа. Въ этихъ приступахъ автоматизма больной нередко приводятъ въ исполненіе свои завытныя мечты и тѣмъ самымъ возбуждаютъ подозрѣніе относительно обдуманности и предумышленности поступковъ. Часты въ своихъ проявленіяхъ много общаго съ эпилептическимъ автоматизмомъ, истерическій автоматизмъ много отъ него и отличается. При истерическомъ автоматизмѣ больные въ послѣдующихъ приступахъ могутъ воспроизводить содержаніе предыдущаго автоматического приступа (Frenkel) и, кромѣ того, будучи загнипнотизированными, они могутъ вспомнить и передать содержаніе предыдущаго приступа. Proust сообщилъ въ академіи наукъ объ одномъ случаѣ истерическаго автоматизма, въ которомъ больной, ничего не помня въ бодрственномъ состояніи о случившемся во время приступа, все воспроизвелъ, когда его загнипнотизировали. Boeteau ¹⁾ сооб-

¹⁾ Boeteau. Automatismes somnambuliques avec doublement de la personnalité. Annal. med. psychol. 1891, 1.

щаетъ слѣдующій случай. Marie M., швея, 22 л., имѣла истеричную мать и представляла явленія классическаго истеріи. Въ 1891 году у нея развились такіе приступы, являлось чувство страха, подкатыванье клубка къ горлу, бѣшеніе въ вискахъ, легкія конвульсіи въ рукахъ; затѣмъ больная совершенно теряла сознание и автоматическимъ образомъ отправлялась странствовать въ теченіе трехъ дней. Число приступовъ съ нею въ это время происходило — она рѣшительно не помнила. Въ концѣ третьяго дня она приходила въ себя. Будучи приведена въ гипнотическое состояніе, она поразительной точностью воспроизводила въ своей памяти все, что она предѣлывала во время приступовъ автоматизма.

Пожалуй чаще, чѣмъ истерическій автоматизмъ, наблюдается автоматизмъ алкогольный. Особенное вниманіе на разработку даннаго вопроса обращено Crothers¹⁾, хотя еще раньше объ этомъ явленіи упоминалъ Magnan. Crothers описываетъ случай, въ которомъ одинъ коммерсантъ, американецъ, внезапно исчезъ къ общему безпокойству его близкихъ и друзей. Оказалось, что онъ уже третій день находился на кораблѣ на пути въ Европу, что его не мало удивило. Онъ рѣшительно ничего не помнитъ о случившемся. Этотъ господинъ былъ счастливый пьяница и совершалъ свою поѣздку въ состояніи автоматизма. Въ русской литературѣ мы находимъ интересные случаи алкогольнаго автоматизма въ описаніяхъ: А. А. Говсѣева, И. П. Мержеевского, Сулимова, Троицкаго и др. Почти всѣ, наблюдавшіе случаи алкогольнаго автоматизма, того мнѣнія, что эти приступы являются почти исключительно у пьяницъ-дегенератовъ.

Травматическій автоматизмъ проявляется двоякимъ образомъ: немедленно послѣ травмы и спустя болѣе или менѣе длинный срокъ; въ послѣднемъ случаѣ, по мнѣнію Charcot, подъ вліяніемъ травмы развивается травматическій неврозъ, который, въ свою очередь, можетъ обуславливать автоматизмъ.

Aveta различаетъ двѣ формы автоматизма: автоматизмъ съ сохраненіемъ сознания и безъ сохраненія оного. Первую группу случаевъ онъ дѣлитъ также на два отдѣла: къ первому относятся тѣ случаи, когда больные испытываютъ какую-то насильственность въ своихъ дѣ-

яніяхъ. Сознавая всю несообразность и нелѣпость поступковъ, они, подъ вліяніемъ тяготящаго надъ ними рока, не могутъ не исполнить его. Duponchel называетъ эти случаи именемъ амбулаторнаго детерминизма. У больныхъ при этомъ существуетъ сознание насильственности и близости дѣянія, но надъ нимъ господствуетъ вѣдѣніе, которое заставляетъ больного идти противъ своихъ препятствій. Stevens и Hughes указываютъ на одного доктора М., эпилептика, который помнитъ, что было съ нимъ во время припадковъ автоматизма, но удержаться отъ этихъ поступковъ не могъ, ибо какая-то высшая сила господствовала надъ нимъ. Второй отдѣлъ случаевъ составляли тѣ, когда больные, при сохраненіи сознания, не переживали этого тяготящаго вѣдѣнія, но зато въ нихъ существовало особое безсознательное влеченіе къ путешествіямъ и проч. Такое явленіе наблюдается особенно часто у дегенератовъ и нравственно помѣшанныхъ. Aveta описываетъ такой случай: молодой человекъ, уже на 16 году ставшій импотентомъ, вслѣдствіе отсутствія эрекціи, съ значительными указаніями на психопатологическую наслѣдственность, отличался необыкновенной и непобѣдимой страстью къ бродяжничеству. Онъ объѣзжалъ всю Италію, пока не попалъ въ сумашедшій домъ, гдѣ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ находился въ ступорозномъ состояніи.

Само собою разумѣется, что эти случаи едва ли имѣютъ право на причисленіе къ группѣ автоматизма въ строгомъ смыслѣ слова, ибо случаи перваго отдѣла скорее всего могутъ быть отнесены къ насильственнымъ явленіямъ:—представленіямъ и движеніямъ, а случаи втораго отдѣла скорѣе могутъ быть отнесены къ импульсивнымъ явленіямъ. Впрочемъ къ автоматизму могутъ быть отнесены случаи съ отсутствіемъ сознания, кои Aveta и называетъ амбулаторнымъ автоматизмомъ.

Состояніе автоматизма имѣетъ необыкновенно серьезное судебно-медицинское значеніе. Дѣйствія и поступки въ состояніи автоматизма являются вполне правильными и цѣлесообразными и потому возбуждаютъ полное подобіе въ ихъ сознательности и произволѣ. Но нужно строго отличать поступки цѣлесообразные отъ поступковъ сознательныхъ. Могутъ быть поступки безусловно цѣлесообразными и разумными, но безусловно безсознательными. Безконечное множество фактовъ у насъ передъ глазами. Мы пишемъ, т. е. производимъ извѣстныя

¹⁾ Magnan. Congres international des sciences médicales de Genève, 1878.

начертанія, фигуры и ихъ сочетанія, вполне цѣлесообразныя и заключающія полный смыслъ и значеніе; но едва ли кто при серьезномъ изложеніи мысли обращаетъ вниманіе на механизмъ изображенія буквъ и словъ. Все наше вниманіе сосредоточивается на изложеніи мысли, форма же ея изображенія производится безсознательно, хотя вполне цѣлесообразно и разумно. Такимъ образомъ мы можемъ совершать множество поступковъ вполне цѣлесообразно и разумно, но безсознательно, т. е. автоматически. Для такого производства безсознательно—цѣлесообразныхъ поступковъ требуется одно важнѣйшее условіе: чтобы эти дѣянія были бы намъ очень хорошо извѣстны и механизмъ ихъ совершенія настолько намъ привыченъ, что мы могли бы ихъ совершать при помощи одной мускульной системы безъ участія сознанія воли и органовъ чувствъ. Таковы процессы: ходьба, одѣванія, письма и проч. Поступки эти будутъ еще сложнѣе и разнообразнѣе, если при этомъ принимаютъ участіе и органы чувствъ.

При автоматическихъ поступкахъ выводится изъ круга дѣятельности сознаніе и воля; органы же чувствъ могутъ принимать дѣятельное участіе, приводя въ систему рефлекторную и ассоціаціонную дѣятельность въ области органовъ простѣйшихъ и болѣе сложныхъ привычныхъ движеній. Такъ какъ почти всѣ эти дѣйствія болѣе или менѣе данному лицу уже знакомы и механизмъ ихъ совершенія производится легко и свободно почти безъ участія сознанія, то весьма естественно, что при участіи органовъ чувствъ и ассоціаціи низшихъ центровъ дѣятельности, поступки автоматовъ будутъ отчетливыми, вполне правильными и цѣлесообразными, хотя и безсознательными.

Принимая во вниманіе то, что при автоматизмѣ выводится изъ круга дѣятельности воля и сознаніе, т. е. пониманіе совершаемаго и свободный выборъ, всѣ дѣянія въ состояніи автоматизма должны быть невмѣняемыми и потому не подлежащими взысканію и наказуемости.

Разумѣется, прежде чѣмъ высказать подобный приговоръ въ томъ или другомъ случаѣ, нужно тщательнѣе изслѣдовать всю жизнь больного и прочно убѣдиться въ существованіи автоматизма. Наличие явленій патологической наслѣдственности, дегенераціи и эпилепсіи можетъ способствовать установленію эпилептического авто-

матизма. Привычное или запойное пьянство также до нѣкоторой степени можетъ говорить за существованіе алкогольнаго автоматизма. Наличие ушибовъ, ударовъ и вообще травматическихъ поврежденій говоритъ въ пользу травматическаго автоматизма, особенно если рядомъ съ этимъ присутствуютъ явленія нейроза. Истерическій автоматизмъ хорошо провѣряется гипнотизаціей и послѣдующими заявленіями въ состояніи гипноза о содержаніи бывшаго приступа автоматизма.

Близко къ автоматическимъ дѣйствіямъ и поступкамъ примыкаютъ дѣйствія и поступки въ состояніи гипнотическаго внушенія т. е. подъ вліяніемъ внушеній посторонняго лица, произведенныхъ во время искусственнаго или принужденнаго сна. При этомъ загипнотизированный погружается въ состояніе, совершенно подобное сну, при чемъ спящій не воспринимаетъ никакихъ впечатлѣній и разсужденій, за исключеніемъ тѣхъ, на кои его наводитъ лицо, погрузившее его въ сонъ. Въ подобныхъ случаѣхъ усыпленное лицо является послушнымъ и покорнымъ рабомъ гипнотизера и эта покорность можетъ проявляться не только въ данный моментъ, но и спустя нѣкоторое время. Загипнотизированныя лица исполняютъ приказанія гипнотизеровъ, даже если бы эти приказанія были преступленіями. Изъ этого вытекаетъ, что загипнотизированныя лица, по приказанію гипнотизера, спустя нѣкоторое время послѣ сеанса, могутъ служить исполнителями дѣяній, задуманнаго гипнотизеромъ. При этомъ загипнотизированныя лица, въ назначенный гипнотизеромъ моментъ, какъ бы впадаютъ въ новый приступъ гипноза и въ точности выполняютъ приказанія гипнотизера. Въ многихъ случаяхъ эти лица не только не помнятъ содѣяннаго, но даже забываютъ лицо, приказавшее имъ сдѣлать то или другое дѣяніе. Для этого гипнотизеръ добавляетъ во внушеніи, чтобы загипнотизированный, по исполненіи порученія, забылъ не только приказаніе, но и кто дѣлалъ это приказаніе.

Итакъ, въ моментъ внушенія и выполненія внушеннаго, человекъ живетъ особой жизнью,—жизнью только данного момента и данного обстоятельства; для всего остального онъ не существуетъ и не воспринимаетъ ничего окружающаго. Въ большинствѣ случаевъ загипно-

тизированное лицо въ слѣдующемъ сеансѣ гипноза вспоминаетъ о прошломъ, но дѣйствительной жизни не помнитъ, а въ моментъ обычной жизни оно ничего не знаетъ о происходящемъ въ моментъ гипноза. Отсюда возникаетъ вопросъ о существованіи двойственного сознанаіа одного общаго, обычнаго, нормальнаго, — и другого частичнаго и патологическаго.

Способы гипнотизаціи очень разнообразны. Гипнотизируютъ пристальной фиксаціей глазъ гипнотизируемаго глазами гипнотизера, — фиксаціей глазъ гипнотизируемаго на какомъ либо блестящемъ предметѣ; — продолжительнымъ однообразнымъ звукомъ, напр. фарадической машины, — пассами и проч.

Вопросъ о томъ, всѣ ли люди склонны къ гипнотизаціи — едва ли можно разрѣшить съ положительностію. Я склоненъ думать, что всѣ люди могутъ поддаваться гипнотизаціи; если же многіе не поддаются ей, то это означаетъ только, что избранный способъ и характеръ воздѣйствія были или недостаточны, или несоотвѣтственны, или не своевременны. Я лично убѣдился въ томъ, что нѣкоторые лица въ одно время совершенно неподдаются гипнотизаціи, въ другое время очень легко поддаются ей.

Вопросъ о возможности гипнотизированія противъ воли гипнотизируемаго — долженъ быть разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, т. е. несомнѣнно существуютъ такіе люди, коихъ можно загипнотизировать, если бы они того даже и не желали, — но только въ ограниченномъ числѣ, именно такой возможности подвергаются только тѣ лица, кои уже были гипнотизируемы, тогда они усыпаютъ даже подъ вліяніемъ одного взгляда гипнотизера, — но такіе случаи очень рѣдки и относятся къ людямъ вообще легко поддающимся гипнотизаціи.

Загипнотизированныя лица могутъ совершать вполнѣ цѣлесообразныя и разумныя дѣянія, различные акты какъ: выдачу векселей, дарственные записи, духовныя завѣщанія и проч., различные проступки и даже самыя ужасныя преступленія, — рѣшительно не сознавая содѣяннаго и ничего не помня о немъ. Путемъ внушенія можно навязать больному не только идеи и выполненія, но и приказать ему рѣшительно ничего не помнить о содѣянномъ. Такимъ образомъ могутъ совершаться преступленія, вполнѣ предумышленныя и съ заранѣе обдуманною цѣлію, строго обдуманныя и систематизи-

рованныя, безусловно цѣлесообразныя и разумныя, — руками другого человѣка, но безъ участія его воли и сознанаія. Въ данномъ случаѣ загипнотизированнымъ лицомъ совершается дѣяніе механически, содержаніе и планъ выполнения коего внушено ему другимъ лицомъ.

По отсутствію въ данномъ дѣяніи участія воли и сознанаія совершителя и по полному отсутствію воспоминанія, при одновременной осмысленности, разумности, цѣлесообразности и какъ бы предумышленности въ дѣяніи, дѣянія людей, находящихся въ состояніи гипнотическаго внушенія, вполнѣ подходятъ къ группѣ автоматическихъ дѣяній, при чемъ, однако, содержаніе даннаго поступка порождается не болѣзнію центральной нервной системы, а волею и внушеніемъ посторонняго лица.

Съ судебно-медицинской точки зрѣнія это состояніе представляетъ весьма важное и серьезное значеніе. Серьезность его усиливается во 1-хъ тѣмъ, что такія дѣянія дѣйствительно могутъ случаться, во 2-хъ, и тѣмъ, что преступники легко могутъ пожелать симулировать это состояніе, желая взвалить свое преступленіе на другое лицо и отговариваться невѣдѣніемъ. Къ счастью, до настоящаго времени, какъ судебныхъ процессовъ о преступленіяхъ подобнаго рода мало, такъ и немногіе изъ преступниковъ пожелали воспользоваться подобною уверткою.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію то обстоятельство, что въ преступленіяхъ подобнаго рода отвѣтственно не то лицо, которое совершило данное преступленіе, а то, которое внушило его, причемъ эта отвѣтственность должна быть сугубою и безпощадною.

Задача современной науки — выработать способы обнаруженія какъ того, что данное преступленіе дѣйствительно совершено путемъ овладѣванія данными лицами въ состояніи гипноза, — такъ и того, что данное лицо притворяется и взводитъ клевету въ данномъ направленіи.

Желая провѣрить содержаніе состоянія загипнотизированнаго, возможно производить съ судебно-медицинскою цѣлію гипнотизацію его, но не иначе, какъ съ согласія того лица, которое подвергается гипнозу; однако показанія загипнотизированнаго лица должны быть принимаемы съ величайшею осторожностію, такъ какъ въ нихъ можетъ попадаться весьма многое извращеннымъ и даже вымышленнымъ.